

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ
Кафедра общего языкознания

ДОПУЩЕНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК
И ПРОВЕРЕНО НА ОБЪЕМ
ЗАИМСТВОВАНИЯ
Заведующий кафедрой,
д-р филол. наук, профессор

20.06 Н.В. Лабунец
Ольга 2016 г.

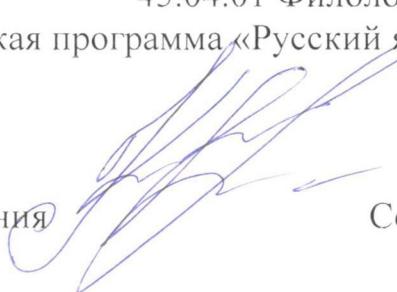
МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ КАК НОСИТЕЛЬ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ В
АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО
(НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ П. САНАЕВА "ПОХОРОНИТЕ МЕНЯ ЗА
ПЛИНТУСОМ")

45.04.01 Филология

Магистерская программа «Русский язык как иностранный»

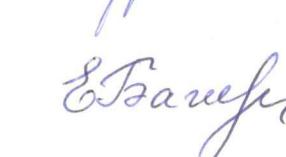
Выполнила
студентка 2 курса
очной формы обучения

Сенчакова Ксения Эдуардовна

Руководитель работы
канд. филол. наук,
доцент

Тумакова Елена Вадимовна

Рецензент
канд. филол. наук,
доцент

Багирова Елена Петровна

Тюмень 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ПОНЯТИЕ АУТЕНТИЧНОГО ТЕКСТА НА УРОКАХ РКИ.	
КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ	13
1.1. Понятие аутентичного текста.....	13
1.2. Аутентичные тексты в методике преподавания РКИ.....	15
1.3. Понятие культурного кода. Языковая картина мира.....	31
ГЛАВА II. ПОВЕСТЬ П. САНАЕВА «ПОХОРОНИТЕ МЕНЯ ЗА	
ПЛИНТУСОМ» КАК НОСИТЕЛЬ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ	37
2.1. Определение языковой картины в повести П. Санаева	37
2.2. Семейные ценности (вневременные культурные коды)	40
2.3. Материальные ценности (temporальные культурные коды).....	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	69
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	74

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Язык и культура народа находятся в тесной взаимосвязи, поэтому преподавание РКИ ведется в лингвострановедческом аспекте: обучаемым необходимо узнать о культурных ценностях страны, язык которой они изучают, менталитет ее жителей, традиции и обычаи, исторические сведения. В методике преподавания русского языка как иностранного большое внимание уделяется и проблеме отражения в языке национальной культурной семантики. Исследователями отмечается, что учебный процесс невозможен без погружения в культуру страны изучаемого языка и, как следствие, чтения аутентичных художественных текстов.

Развитию речевых умений и одновременно расширению культурной базы учащихся служит работа с аутентичным текстом (то есть текстом, созданным носителем языка для носителей же языка) на занятиях по РКИ. Аутентичные тексты отражают реальный характер социальной коммуникации, речевого общения, а значит, лежат в основе коммуникативно-деятельностного подхода, который признан наиболее эффективным при изучении русского языка как иностранного.

В художественном тексте явления культуры, нашедшие отражение в тех или иных средствах языкового выражения, не только представляют сами себя, но и являются некоторыми знаками, передающими дополнительные смыслы, которые без труда прочитываются членами той же лингвокультурной общности, но остаются скрытыми для читателя-инофона [Кулибина 2001а, 38]. Иными словами, аутентичный художественный текст таит в себе некие культурные коды, понятные носителям языка, но представляющие сложность для иностранного читателя, а потому нуждающиеся в привлечении внетекстовой информации или комментариев преподавателя.

В качестве материала для исследования избрано произведение современного российского писателя П. Санаева «Похороните меня за плинтусом». Представляется, что данный текст будет интересен обучающимся, так как он написан нашим современником и отражает реалии российской действительности. Множество описаний бытовых ситуаций, насыщенность повести разговорными конструкциями делает процесс чтения увлекательным для учащихся и позволяет им получить новую информацию о носителях языка. Кроме того, события, описываемые в повести П. Санаева, преподносятся читателю с точки зрения детского восприятия окружающего мира. Изучение данного текста является актуальным, поскольку, несмотря на его популярность среди современных российских читателей (не случайно повесть была экранизирована и привлекла внимание зрителей), он не подвергался ранее лингвистическому анализу. К тому же исследуемый текст не рассматривался учеными в аспекте преподавания русского языка как иностранного и не использовался в качестве материала для различного рода учебно-методических разработок.

Объект и предмет исследования

Объектом изучения в данной работе является аутентичный текст П. Санаева «Похороните меня за плинтусом». Предмет составляют языковые единицы, являющиеся носителями культурных кодов.

Цель и задачи исследования

Целью работы является исследование культурных кодов в повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом». Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Выявить языковые единицы, реализующие культурные коды в повести П. Санаева.
2. Установить их значение в контексте произведения.

3. Предложить способы интерпретации культурных кодов в иноязычной аудитории.

Методы исследования

Исследование выполнено в рамках филологического подхода; обращено как к языковой, так и к литературной стороне произведения, «и как к тексту, и к многообразным проявлениям *homo loquens* — как говорящего, пишущего, автора, читателя, интерпретатора и пр., что делается, как правило, в контексте времени и пространства» [Чувакин 2011, 190]. Исследование только языковой составляющей повести привело бы к тому, что итогом стал бы список конструкций с их грамматическими и стилистическими характеристиками безотносительно к истории создания произведения, разнообразию его прочтений людьми разных поколений или иных культур. Обращение к литературоведческой стороне позволяет увидеть текст во всем его многообразии, раскрыть новые смыслы в нем и сформировать художественную реальность, описанную автором.

Для достижения результатов исследования использовались как общенаучные, так и более узкие методы.

К общенаучным методам можно отнести наблюдение – прочтение и восприятие текста с целью поиска фактического материала для исследования в тексте – интересующих языковых явлений. Также использовались элементы эксперимента: отработки гипотезы о значимости верной интерпретации культурных кодов на занятиях в иноязычной аудитории. Из методов теоретического исследования была применена объяснительная классификация, то есть систематизация материала по разработанным индивидуально и не зафиксированным в научной литературе признакам.

Кроме того, в работе используются также общефилологические методы. С помощью контекстологического анализа было выявлено значение каждой найденной языковой единицы, заключающей в себе культурный код,

в контексте целого произведения, так как максимально отобразить содержание слова/сочетания слов можно только в его текстовом окружении. Структурный анализ был применен для определения места данного литературного произведения в культурной жизни страны в контексте прошедшей и нынешней эпох. Вследствие сосредоточения внимания на таких языковых единицах, как культурные коды, невозможно было обойти вниманием и семиотический анализ: выявление отношения содержания той или иной языковой единицы к внеязыковой действительности. Также для интерпретации культурных кодов и рассмотрения их как «единиц концептуальной картины мира» [Болотнова 2009, 464] в повести использовался концептуальный анализ.

Характеристика источников исследования

Для работы на занятиях в иностранной аудитории была выбрана повесть современного российского писателя Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом», написанная в 1994 году. Текст был опубликован в 1996 году в журнале «Октябрь». Повесть удостоена премии журнала «Октябрь» за 1996 год, номинировалась на Букеровскую премию.

Ее автор, Павел Санаев родился в Москве в 1969 г. Как отмечается на сайте «УзнайВсе.ру», мать и отец автора вместе не жили, мальчик долгое время находился у своей бабушки – Санаевой Лидии, в то время, пока мама устраивала личную жизнь. Отчимом Павла стал Ролан Быков. Бабушка былаластной женщиной, настраивала внука против отчима и не разрешала Паше жить с матерью, можно сказать, силой его держала у себя. По характеру она была тираном, Павел ее очень боялся. Как Санаев вспоминает, иногда он чувствовал бабушкину любовь, но это была большая редкость. Мама и Ролан Быков начали вместе жить после совместной работы в фильме «Докер». Както маме удалось тайком забрать сына от своей матери, пока та была в магазине. Месяц, прожитый с мамой и Роланом Антоновичем, стал для

маленького Паши светлым пятном в жизни. Однако вскоре бабушке удалось так же тайно вернуть внука себе. После этого он прожил с ней еще долгих четыре года. Санаев благодарен своему родному отцу, как человеку, без которого он не появился бы на свет, но воспитанием и становлением характера Павла занимался именно отчим. В 1992 году окончил ВГИК (курс Александра Александрова). В середине 1990-х приобрел известность в качестве переводчика и автора синхронного текста для фильмов. В девяностых годах Павел, который в то время уже был студентом ВГИКА, начал зарабатывать на мелком видеопиратстве. Отчим это пресек, убедил прекратить подобные занятия. Он предложил вместо этого написать книгу. Так как получить одобрение Быкова было очень важно для Санаева, он начал писать и потратил на это более года. Как он вспоминает, было трудно продолжать писать, когда однокурсники уже ездили на машинах, купленных на заработанные фарцовкой деньги. Через десять лет книга, написанная когда-то с подачи Ролана Антоновича, стала настоящим бестселлером, сделавшим Санаева одним из самых известных писателей современной России. Автор назвал ее «Похороните меня за плинтусом». Рекламы не было, но «сарафанное радио» сделало свое дело, и первый тираж в 20 тысяч экземпляров разошелся очень быстро. Общий же тираж превысил пятьсот тысяч экземпляров. Произведение пользуется немалой популярностью, оно переведено на французский и немецкий языки. По книге снят фильм, многие театры поставили спектакли. Менее всего автор доволен фильмом, так как, по его мнению, он очень далек от настроения, переданного в книге [Биография Павла Санаева, URL].

В начале книги П. Санаева «Похороните меня за плинтусом», опубликованной издательством «АСТ», приводится такая аннотация: «Книга, номинированная на Букеровскую премию, буквально взорвала отечественный книжный рынок и обрела не просто культовый, но – легендарный статус! Повесть, в которой тема взросления будто

переворачивается с ног на голову и обретает черты сюрреалистического юмора! Книга, в которой гомерически смешно и изощренно зло пародируется сама идея счастливого детства. Чуткий и умный Санаев все правильно понял. Оттого ценность его повести возрастает, и ей гарантировано место в истории русской литературы» [Похороните меня за плинтусом (b), URL]. Неповторимый и оригинальный авторский стиль делает книгу интересной для прочтения, тонко подмеченные детали и колкие бабушкины реплики могут повеселить читателя. Но она оставляет при этом горькое послевкусие, заставляя задуматься о том, так ли хороша любовь, если она перерастает в нечто большее, становится чудовищем и душит.

Таким образом, книга оставляет после прочтения множество вопросов, но от этого не становится менее популярной. Снятый по книге фильм не раз транслировался по центральным телевизионным каналам. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что творчество Павла Санаева привлекает многих читателей и зрителей.

Апробация результатов исследования

Основные результаты работы были представлены в виде докладов на студенческих и международных конференциях:

- 1) доклад «Аутентичный текст как носитель культурных кодов (на примере повести П. Санаева "Похороните меня за плинтусом")», международная научно-практическая конференция «Русский язык – язык науки, культуры, коммуникации», ИРЯиК, МГУ им. Ломоносова, г. Москва, 2014 г.;
- 2) доклад «Речевое поведение в русской семье (на материале повести П. Санаева "Похороните меня за плинтусом")», 5-я международная конференция «Экология языка на перекрестке наук», ТюмГУ, г. Тюмень, 2014 г.;

- 3) доклад «Семейные ценности в России (работа с современным художественным фильмом на занятиях по РКИ)», учебно-издательский центр «Златоуст», г. Санкт-Петербург, 2014 г.;
- 4) доклад «Современный аутентичный текст в лингвострановедческом аспекте: культурные коды в повести П. Санаева "Похороните меня за плинтусом"», III студенческая научно-практическая конференция «Множественность интерпретаций: слово, текст, дискурс, корпус», ТюмГУ, г. Тюмень, 2014 г.;
- 5) доклад «Аутентичный текст как учебный в аспекте преподавания РКИ», XVIII международная конференция студентов-филологов, СПбГУ, г. Санкт-Петербург, 2015 г.;
- 6) доклад «Культурные коды в современных аутентичных текстах», Международная научно-практическая конференция «Русский язык и литература в современных культурных контекстах», г. Тюмень, 2015 г.;
- 7) доклад «Разрушение речевых стереотипов в повести П. Санаева "Похороните меня за плинтусом" (на примере семейного бытового общения)», IV Студенческая научно-практическая конференция «Множественность интерпретаций: язык и литература в 21 веке», ТюмГУ, г. Тюмень, 2015 г.;
- 8) доклад «Отражение представлений о материальном благополучии в русской культуре (на материале повести П. Санаева "Похороните меня за плинтусом")», XVII Международная научно-практическая конференция «Русское культурное пространство», ИРЯиК, МГУ им. Ломоносова, г. Москва, 2016 г.

Некоторые положения исследования нашли отражение в следующих публикациях:

- 1) Сенчакова К.Э. Аутентичный текст как носитель культурных кодов // Русский язык – язык науки, культуры, коммуникации. Материалы Юбилейной международной научно-практической конференции,

- посвященной 60-летию со дня основания первого в России подготовительного ф-та для иностранных учащихся 7 ноября 2014 года. В 2-х томах. Т.2. М.: Перо, 2015. С. 139-143.
- 2) Сенчакова К.Э. Речевое поведение в русской семье (на материале повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом») // Экология языка на перекрёстке наук: сборник статей 5-й международной научной конференции: под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Н. Белозеровой. Тюмень: Вектор Бук, 2015. С. 259-266.
  - 3) Сенчакова К.Э. Семейные ценности в России (работа с современным художественным фильмом на занятиях по РКИ) // Государственный язык и языки национальных меньшинств в образовательном пространстве: материалы международной конференции. СПб: Златоуст, 2014. С. 185-190.
  - 4) Сенчакова К.Э. Разрушение речевых стереотипов в повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом» (на примере семейного бытового общения) // Множественность интерпретаций: слово, текст, дискурс, корпус: материалы III студенческой научно-практической конференции ТюМГУ. Тюмень: OST-пресс, 2015. С. 152-157.
  - 5) Сенчакова К.Э. Аутентичный текст как учебный в аспекте преподавания РКИ // XVIII Международная конференция студентов-филологов СПбГУ, Санкт-Петербург, 6–11 апреля 2015 г.: Тезисы докладов. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2015. С. 64-65.
  - 6) Сенчакова К.Э. Художественное произведение как носитель культурных кодов (на материале повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом») [Электронный ресурс] // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М.: МАКС Пресс, 2015. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см.
  - 7) Сенчакова К. Э. Современный аутентичный текст в лингвострановедческом аспекте: культурные коды в повести П. Санаева

- «Похороните меня за плинтусом» // Множественность интерпретаций: язык и литература в 21 веке: материалы IV студенческой научно-практической конференции ТюмГУ. Тюмень: Вектор Бук, 2015. С. 40-46.
- 8) Сенчакова К.Э. Культурные коды в современных аутентичных текстах (на примере сборника Славы Сэ «Сантехник, его кот, жена и другие подробности) // Русский язык и литература в современных культурных контекстах: труды и материалы международной научно-практической конференции. Тюмень: 30-31 октября 2015 г. Тюмень: ТОГИРРО, 2015. С. 85-86.
- 9) Сенчакова К.Э. Отражение представлений о материальном благополучии в русской культуре (на материале повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом») // Материалы XVI международной научно-практической конференции «Русское культурное пространство», Москва, 23 апреля 2016 г. (в печати).

В настоящее время журналом «Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanities» (входящим в перечень ВАК) к публикации принята статья «Аутентичный текст на занятиях по русскому языку как иностранному».

Структура работы

Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения и библиографического списка.

Во Введении указывается актуальность темы исследования, обозначается его объект и предмет, ставятся цель и задачи, описываются методы исследования, дается характеристика анализируемых источников.

В главе I «Понятие аутентичного текста на уроках РКИ. Культурные коды» описываются основные особенности текстов современных писателей, приводится понятие культурного кода, раскрывается его объем и

анализируется целесообразность привлечения данного понятия в методике преподавания РКИ.

В главе II «Культурные коды в повести П. Санаева "Похороните меня за плинтусом"» анализируются культурные коды, встречающиеся в тексте произведения, и приводятся возможные комментарии к их интерпретации в иностранной аудитории.

В Заключении подводятся итоги исследования.

Библиографический список содержит 78 наименований.

ГЛАВА I. ПОНЯТИЕ АУТЕНТИЧНОГО ТЕКСТА НА УРОКАХ РКИ. КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ

1.1. Понятие аутентичного текста

Деятельность педагогов, преподающих иностранный язык, регламентируется содержанием такого документа, как «Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка», разработанного группой экспертов стран Совета Европы. Одним из основополагающих требований документа является «непосредственное обращение» к аутентичным текстам на занятиях в иноязычной аудитории [Общеевропейские компетенции 2001-2003, 140].

Зарубежные исследователи, говоря об аутентичных текстах, выделяют как наиболее важный признак его принадлежность носителям языка. Такие тексты изначально создаются не для работы в иноязычной аудитории.

П. Сандерсон отмечает: «Authentic materials are materials that we can use in the classroom and that have not been changed in anyway for ESL students» [Sanderson 1999, 2] («Аутентичные материалы – это те материалы, которые можно использовать на занятиях и которые никоим образом не были изменены для иноязычных учащихся»).

Подобным образом описывается аутентичный текст и в работах Дж. Хармера: «Authentic texts (either written or spoken) are those which are designed for native speakers: they are real texts designed not for language students, but for the speakers of the language in question» [Harmer 1987, 146]. («Аутентичные тексты (как письменные, так и устные) создаются носителями языка. Они представляют собой реальные тексты, реплики говорящих на данном языке, не предназначенные для занятий по иностранному языку»).

В статье “Using Authentic Texts in Language Teaching” преподавателя английского языка как неродного, пишущего статьи, посвященные методике

преподавания, на электронном ресурсе YurTopic.com под ником swooosh, можно найти ответ на вопрос «Что такое аутентичный текст?»: «It is now widely known as materials that include ideas, words, phrases and expressions that are heard and read in real-life situations» [Swooosh, URL] («Аутентичные тексты в широком смысле – это материалы, которые включают идеи, слова, фразы и выражения, услышанные и прочитанные в ситуациях реального общения»).

Похожие определения можно найти и в российских методических исследованиях последних десятилетий. Н.В. Кулибина определяет аутентичный текст как «оригинальный, подлинный, созданным автором для реального общения с другими носителями языка (членами одного этносоциокультурного сообщества), а не для учебных целей» [Кулибина 2001а, 51]. Эта формулировка не противоречит высказываниям зарубежных ученых и практически полностью соответствует их пониманию аутентичного материала.

Такие качества аутентичного текста, как естественность и ситуативность подчеркиваются также Э.Г. Азимовым и А.Н. Щукиным, которые в «Новом словаре методических терминов и понятий» приводят следующее определение аутентичного текста: «Реальный продукт носителей языка, не предназначенный для учебных целей и неадаптированный для нужд учащихся. Аутентичный материал характеризуется естественностью лексического наполнения и грамматических форм, ситуативной адекватностью языковых средств» [Азимов, Щукин 2009, 34].

Применение аутентичного текста приобретает популярность в методике преподавания РКИ, а потому его рассматривают многие ученые-лингвисты, но далеко не всегда в тех или иных изданиях можно встретить точную формулировку понятия. В исследованиях, посвященных аутентичным текстам, определение в большинстве случаевдается

опосредованно, через перечисление признаков, присущих данного вида текстам.

Т.М. Балыхина в монографии «Методика преподавания русского языка как неродного» пишет, что «аутентичные материалы имитируют условия реальной языковой среды носителей языка, способствуют развитию мотивации и интереса учащихся» [Балыхина 2007, 36], что тоже не является точной формулировкой.

Н.С. Новолодская, вводя в своей статье понятие аутентичного текста, определяет его так: «Необходимо еще добавить, что эти тексты должны быть аутентичными. Аутентичный (оригинальный, подлинный) текст обладает целым рядом особенностей <...>». По ее мнению, аутентичный текст характеризуется тем, что в нем «имеется языковой материал, заимствованный из реальной коммуникативной практики» [Новолодская 2013, 57].

Таким образом, практически единогласно исследователи сходятся во мнении, что как источником, так и адресатом аутентичных текстов является носитель языка.

1.2. Аутентичные тексты в методике преподавания РКИ

Проблема использования аутентичных текстов в методике преподавания русского языка как иностранного привлекает внимание современных исследователей, так как образовательная парадигма сейчас имеет компетентностную направленность. Иными словами, при обучении любым иностранным языкам должны формироваться не знания, умения и навыки, а, прежде всего, коммуникативные компетенции (способность решать коммуникативные задачи в реальных ситуациях общения). Основой формирования подобных компетенций является художественный текст, в частности, аутентичный текст (текст, созданный носителем языка для носителей же языка). Обучение решению подобного рода задач может и

должно строиться с использованием на занятиях текстового материала. Н.В. Кулибина в монографии «Зачем, что и как читать на уроке?» выдвигает тезис, что «без чтения художественной литературы не может быть полноценного овладения языком» [Кулибина 2001а, 5].

«Текст в наиболее полном осмыслении (опираясь, в первую очередь, на дефиницию И.Р. Гальперина) характеризуется как "произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, которая отражает целенаправленность этого процесса, состоящее из ряда сверхфразовых единств, <...> объективированное и обработанное в соответствии с типом документа, то есть обладающее типологическими особенностями"» [Рогова, Колесова, Шкурина 2011, 11]. В аспекте преподавания РКИ наибольшее внимание в данном определении привлекает указанная категория целенаправленности, так как художественный текст представляет собой некое сообщение, передаваемое читателю. Каждый автор при написании текста реализует определенную интенцию, которая является собой, по определению Г.П. Грайса, «намерение говорящего сообщить нечто, передать в своем высказывании определенное субъективное значение» [Грайс 1985, 224]. Столь важна она потому, что основной целью преподавателя является научить студента говорить, передавать информацию другому коммуниканту или нескольким участникам в ситуации общения, то есть порождать собственные тексты-высказывания. В.А. Федосов называет методику, направленную на обучение студентов общению, причем в условиях, приближенных к естественным, функционально-коммуникативной [Федосов 25, 2011].

Для создания текста автор использует единицы языка и грамматические правила их соединения в слова, словосочетания, предложения и т.п., но сам текст не является языковой единицей, так как в отличие от нее каждый раз заново создается, творится. Большинство современных ученых сходятся во мнении о том, что текст – это

«коммуникативная единица, единица речи/речевой деятельности» [Кулибина 2001а, 13]. Таким образом, каждая языковая единица в художественном тексте расширяет свои границы, приобретает новые смыслы в каждом определенном контексте. Смысловой аспект текста в отличие от содержательного представлен в основном имплицитно и выявляется сложно, опосредованно, путем сопоставления разных элементов текста и установления отношений между ними. Восприятие смыслового аспекта требует умения восстановить подразумеваемое, уяснить имплицитные смыслы. «Понимание художественного текста — процесс сложный и творческий: "Понимание есть деятельность ума по самостоятельной переработке воспринятых текстов, их расшифровке, взвешиванию и приведению в соответствие с ранее приобретенным опытом". Следовательно, если для понимания любого (художественного и нехудожественного) текста необходимо знание грамматики естественного языка и «грамматики текста» (совокупности текстовых установок, правил), то для понимания смыслового аспекта художественного текста необходимо, кроме того, знание «грамматики художественного текста», т. е. системы авторских приемов, реализуемых в каждом конкретном художественном произведении в том или ином наборе, в той или иной модификации» [Гореликова, Магомедова 1983, 6].

На начальных этапах обучения языку зачастую используются учебные тексты, составленные искусственно и направленные на отработку определенных грамматических правил и речевых конструкций. Такие тексты зачастую по своему содержанию далеки от реальности, ситуации, описываемые в них, надуманны. Пример таких текстов приводит Е.И. Пассов: «Вот текст: "Это класс. Это наш класс. Наш класс большой и светлый. В нем четыре окна. В классе стоят двенадцать парт и один стол..." Вам когда-нибудь приходилось читать нечто подобное на родном языке? Вряд ли. А на иностранном – пожалуйста, раскройте только любой учебник

для начинающих» [Пассов 1991, 10]. Как отмечает Н.В. Кулибина, «это всего лишь элементарный, «подготовительный» уровень, а далее "индивидуальный речевой опыт каждого человека формируется и развивается в непрерывном и постоянном взаимодействии с чужими индивидуальными высказываниями. Этот опыт может быть охарактеризован как процесс освоения – более или менее творческого – чужих слов (а не слов языка)». Этим словам М.М. Бахтина созвучно высказывание Б.М. Гаспарова: "Все поступающие извне языковые впечатления органически врастают в языковой мир личности"» [Кулибина 2001б, 15]. По мере овладения учащимися изучаемым языком все более привлекается художественный текст, отвечающий всем общетекстовым дефинициям: он обладает структурно-смысловым единством, упорядоченной последовательностью единиц, его составляющих, законченностью, коммуникативной целенаправленностью [Гореликова, Магомедова 1983, 5]. Чаще всего используются аутентичные тексты, то есть «созданные в процессе реального общения носителей языка» [Кулибина 2001а, 11]. Использование на занятиях аутентичных текстов наиболее полно реализует коммуникативно-деятельностный подход к изучению русского языка как иностранного, который, по мнению многих исследователей (С.Л. Рубинштейн [Рубинштейн 1973], А.Н. Леонтьев [Леонтьев 2001], И.А. Зимняя [Зимняя 1985]), является наиболее эффективным при изучении русского языка как иностранного.

В учебном процессе аутентичные художественные тексты выполняют следующие функции:

- 1) образовательную, которая включает в себя обучающую, стимулирующую, семантизирующую, стандартизирующую и контрольно-корректирующую;
- 2) развивающую, т.е. функцию развития механизмов памяти, внимания, мышления, антиципации и личностных качеств обучающегося;

3) функцию воспитательного воздействия, которая является единством функций воспитания эстетических качеств и воспитания уважения к культуре народа страны изучаемого языка [Гейко 2012, URL].

Преимущества аутентичных материалов как средства обучения очевидны, они получили широкое освещение в методической литературе как отечественных, так и зарубежных авторов (Р.П. Мильруд, Е.В. Носонович [Носонович, Мильруд 1999; Носонович 1991], Е.Н. Соловова [Соловова 2005], S. Krashen [Krashen 1981, URL]] и др.). Рассмотрим положительные черты аутентичных текстов, отмеченные в различных научно-методических исследованиях. Н.С. Новолодская относит к ним следующие:

- 1) языковой материал таких текстов дает сильный мотивационный импульс;
- 2) информация, предъявляемая с помощью аутентичного текста, воспринимается как более интересная и достоверная;
- 3) чтение таких текстов уже включает в себя мотив последующего обмена впечатлениями по поводу полученной информации;
- 4) тексты такого характера дают каждому ученику возможность воспринимать его с учетом своих индивидуально-психологических особенностей [Новолодская 2013, 57-58].

О.И.Коваленко в работе «Аутентичные материалы как средство обучения иностранному языку: объем содержания понятия и его структура» высказывает следующие аргументы в пользу работы с аутентичными текстами в иностранной аудитории:

- 1) использование искусственных, упрощенных текстов может впоследствии затруднить переход к пониманию текстов, взятых из «реальной жизни»;
- 2) «препарированные» учебные тексты теряют характерные признаки текста как особой единицы коммуникации, лишены авторской индивидуальности, национальной специфики;
- 3) аутентичные тексты разнообразны по стилю и тематике, работа над ними вызывает интерес у изучающих иностранный язык;

- 4) аутентичные тексты являются оптимальным средством обучения культуре страны изучаемого языка;
- 5) аутентичные тексты иллюстрируют функционирование языка в форме, принятой носителями языка, и в естественном социальном контексте;
- 6) аутентичные тексты усиливают мотивацию к изучению иностранного языка [Коваленко 2013, URL].

Такими же преимуществами обладают аутентичные тексты и по мнению зарубежных исследователей.

В уже упомянутой статье “Using Authentic Texts in Language Teaching” есть отдельный параграф, посвященный достоинствам аутентичных текстов.

Так, автор работы считает, что:

- 1) when authentic materials are made available for students, they provide exact examples of how the language is used by its native speakers or of the vast majority of target language users (когда студентам доступны аутентичные материалы, они могут получить точные примеры того, как язык используется его носителями или же большинством говорящих на нем);
- 2) students feel more confident using the language when they know they are performing as expected; with authentic texts, learners are provided with words and expressions used in real-life contexts (студенты чувствуют себя увереннее при использовании языка, когда они используют его в соответствии с ожиданиями; из аутентичных текстов учащиеся могут почерпнуть правильные контексты, используемые в ситуациях реального общения);
- 3) materials that are published weekly are more informal and socially-centered than those that purely define rules and provide patterns for sentences (материалы, публикуемые регулярно, носят более неформальный характер и являются более социально направленными, чем тщательно выверенные грамматические правила, они могут выступать примером для построения собственных высказываний);

4) authentic materials include new features of the language that would take some time to get adapted in textbooks, with this, it keeps teachers and students aware of changes in language (аутентичные материалы включают все современные тенденции развития и лексические новации, которые, если и появятся в учебниках, то только через некоторое время, что дает обучаемым возможность быть в курсе последних изменений в языке) [Swooosh, URL].

Отметим точки соприкосновения в различных российских и зарубежных исследованиях.

Основным преимуществом использования аутентичных текстов при изучении иностранного языка является их спонтанность, принадлежность к реальной жизни. Такие тексты не были специально подготовлены и адаптированы, они содержат речевые конструкции, употребляемые носителями языка в повседневном, бытовом общении, а также лексику активного запаса. Кроме того, аутентичный текст отражает активные процессы, происходящие в языке в данный момент времени. К тому же аутентичные тексты характеризуются живой интонацией разговорной речи, естественной эмоциональностью, заполнителями пауз – характерные признаки естественного неформального общения [Гейко 2012, URL]. Усвоение языка, основным назначением которого является регулярное общение с говорящими на нем, происходит с помощью аутентичного материала значительно быстрее, а результат максимально приближает обучаемых к уровню носителя.

Также стоит отметить, что художественные тексты сюжетны, в них используются интересные языковые конструкции и описываются нестандартные ситуации, что повышает интерес учащихся к чтению, а как следствие, и к занятиям РКИ в целом. Читать такие тексты гораздо интереснее, чем искусственно составленные текстовые фрагменты в учебниках. Для преподавателя важно поддерживать заинтересованность

обучаемых и их высокую концентрацию на процессе освоения языка, что дается значительно легче при чтении и интерпретации художественных текстов, поскольку художественный образ «в большей мере способен захватить всего человека целиком, чем рациональный и безупречный научный трактат» [Верещагин, Костомаров 1990, 191].

Помимо этого несомненным преимуществом аутентичных художественных текстов является то, что многие из них популярны у носителей языка, являются для них культурно значимыми: читающий человек всегда более грамотен и образован, а значит, чтение произведений художественной литературы расширяет эрудицию иностранца и помогает ему органично влиться в жизнь страны, язык которой он изучает, и чувствовать себя равным на фоне ее интеллектуальной и социальной элиты.

Таким образом, анализ различного рода аутентичных художественных текстов позволяет формировать все речевые компетенции и развивает у учащихся способность порождать собственные тексты-высказывания.

В связи с тем, что в методике преподавания РКИ в настоящее время большое внимание уделяется лингвокультурной составляющей, «чрезвычайно важным представляется формирование лингвокультурологической компетенции развитие эстетического вкуса, интеллектуальных способностей студентов, стимуляция познавательной деятельности, самостоятельного анализа и синтеза, воспитание и развитие умения интерпретировать общественные и художественные явления. В этом смысле художественный текст как лингвосоциокультурный феномен предстает высшим воплощением свойств естественного языка, когда сплавлены воедино живая речь и литературно-эстетическая норма» [Подосинникова 2011, 257].

Ценность художественной литературы состоит в том, что она является эффективным средством познания страны изучаемого языка, ее культуры: «Все важнейшие события отечественной истории, все эпохальные рубежи

Советского государства нашли свое отражение не только в документах и научных исследованиях, но и в художественной литературе». Также следует отметить, что значительным познавательным потенциалом обладают не только произведения, рассказывающие о крупных исторических событиях, великих людях и т.п. Иными словами, познавательная ценность художественной литературы заключается также в том, что в ней запечатлен характер народа, его коллективный жизненный опыт, образ жизни нации, система принятых в данном обществе социальных, нравственных и эстетических ценностей [Кулибина 1987, 3]. Личностью человек становится в результате процесса усвоения родной для него культуры, именно поэтому овладение культурными ценностями столь важно для любого члена социума. Исходя из терминологии исследователей из Российского университета дружбы народов (РУДН), «процесс усвоения культуры чужого этноса социологи называют вторичной социализацией. При изучении иностранного языка личность непременно должна усвоить те знания из вторичной (чужой) культуры и сформировать такие навыки речевого общения, которые необходимы для осуществления совместной деятельности с носителями чужой культуры и по их правилам» [Брагина, Дронов, Красс 2008, 212]. Овладение иностранным языком в его автономности не конечная цель процесса обучения. Изначально учащиеся осваивают культуру народа, а язык служит инструментом выражения культурных кодов и символов, инструментом социализации. Основным содержанием лингвострановедения является ознакомление иностранных учащихся с новой для них социальной действительностью. При этом настойчиво подчеркивается также ведущий канал ознакомления – русский язык. Действительно, все важнейшие события отечественной истории нашли свое отражение не только в документах и научных исследованиях, но и в художественной литературе, в живописи, скульптуре, архитектуре, музыке, драматургии, хореографии. Из сказанного вытекает, что произведения искусства являются не только важным каналом

отражения и накопления информации о действительности, но и некоторые из них, что не менее важно, сами по себе есть значительное явление национальной культуры русского народа [Верещагин, Костомаров 1990, 186–189].

Однако использование аутентичного материала на занятиях в иноязычной аудитории не приносит пользы само по себе. Необходимо учитывать критерии отбора таких текстов, их оформление и вдумчиво подбирать задания для предтекстовой, притечстовой и послетекстовой работы.

В первую очередь необходимо учитывать, что не каждый аутентичный текст подходит для работы над ним с иностранными студентами. Чтение и интерпретация текстов художественной литературы – процесс, вызывающий множество различных трудностей у иностранцев. Именно поэтому задача преподавателя – найти такой текст, который будет способен вызвать неподдельный интерес учащихся, затронет актуальные проблемы, волнующие их, мотивирует к чтению, вызовет желание понять его и сможет побороть боязнь языковых трудностей и физическую лень. Таким образом, основным критерием отбора текстов должен быть интерес учащихся. Осознание учащимся того факта, что его мнение непосредственно влияет на ход процесса обучения увеличивает «степень вовлеченности учащегося в учебный процесс, его мотивированность, его согласие с целью и условиями обучения», что, в свою очередь, «в огромной мере влияет на эффективность усвоения знаний о языке, его практического владения» [Кулибина 2001а, 85].

Конечно, любой преподаватель-русиcт будет настаивать на изучении классических произведений русской литературы, ведь именно они составляют базис читательского опыта каждого человека и закладывают духовные ценности. Но тексты классиков трудно читать даже русскому человеку, поскольку в них много устаревших слов и конструкций. Иностранному же читателю такое чтение дается с еще большим трудом: для

него достаточно тяжело будет понять обстановку того времени, традиции и обычаи ушедшей эпохи. Все эти причины указывают на то, что наиболее подходящими для работы в иноязычной аудитории представляются тексты современных российских писателей. В связи с развивающимися международными отношениями мировых государств и процессом глобализации жизнь членов современного общества имеет много общего, вне зависимости от национальной принадлежности. Читателю-иностраницу легче будет представить себя на месте современного россиянина, нежели в обстановке древнерусского государства.

Кроме того, существенно облегчает процесс чтения тот факт, что язык произведений российских писателей максимально приближен к тому, который используется в процессе повседневного современного общения.

О критериях отбора текстов пишет в своих работах и Эдуард де Шазаль. Основополагающим, по его мнению, критерием является уровень владения языком – A1, B2 и т.д. Но автор предлагает учесть еще один ключевой момент – уровень образованности, эрудиции человека (так называемый “cognitive level”). Например, два текста одного и того же языкового уровня могут значительно отличаться по степени сложности обсуждаемых в них тем и идей. Кроме того, важно учитывать цель работы: для чего студенты читают этот текст, что они должны извлечь из него. Тексты для поискового чтения – вычленения ключевых слов и наиболее важной информации – могут быть достаточно высокого уровня, даже в аудитории, находящейся на начальном этапе изучения языка. Если же требуется полное понимание, то текст должен соответствовать уровню владения языком и степени образованности учащегося [De Chazal 2014, URL].

Под аутентичными текстами могут пониматься как литературные произведения, так и материал повседневной и бытовой жизни (указатели, дорожные знаки, вывески, объявления, рекламные листовки и др.).

Г.И. Воронина, опираясь на классификацию Е.С. Кричевской, выделяет две разновидности аутентичных текстов, включающих различные жанры:

1. Функциональные тексты повседневного обихода, выполняющие инструктирующую, поясняющую, рекламирующую или предупреждающую функцию.
2. Информативные тексты, содержащие постоянно обновляющиеся сведения (указатели, дорожные знаки, вывески, концертные программки, статьи, интервью, опрос мнений, письма читателей в печатные издания, актуальная сенсационная информация, афиши музыкальных концертов, разъяснения к статистике, графике, рекламе, комментарий, репортаж и др.) [Воронина 1999, 27].

Такие тексты создают на занятии иллюзию приобщения к повседневной жизни носителей языка, погружения в жизнь страны и города. Для обеспечения максимального эффекта приближенности к реальности необходимо сохранять аутентичную форму подобных текстов, то есть аутентичный текст должен быть подан аудитории в его оригинальном виде.

Такой текст обязательно должен быть креолизованным, то есть текстом смешанного типа. Проблематике изучения и характеристики креолизованных текстов посвящено множество работ российских ученых: Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова [Сорокин, Тарасов 1990], Е.Е. Анисимовой [Анисимова 1992], К.В. Поляковой [Полякова 1992], Н.П. Кругликовой [Кругликова 2005], Г.Г. Слышкина, М.А. Ефремовой [Слышкин, Ефремова 2004]. Креолизованный текст «анализируется как особая разновидность текста, "фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной и невербальной, принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык"» [Чернявская 2009, 87]. В нем для передачи информационного сообщения должны сочетаться языковые или речевые и изобразительные средства [Валгина 2003, 127]. Н.В. Поморцева характеризует креолизованные тексты следующим образом: «Содержание

креолизованного текста представляет собой комплексное содержание, возникающее в результате восприятия верbalного текста и иллюстрации. Когда текст и иллюстрация гармонично дополняют друг друга, образы, возникающие при прочтении вербального текста, расширяют и дополняют образ, возникший при восприятии иллюстрации. Изображение уже не просто иллюстрирует вербальный текст, а включается в его семантику. Статистические и динамические изображения, включаясь в семантическую ткань видеовербального текста, превращают его в более мощное по сравнению с верbalным текстом средство корреляции между семантикой и глубинными структурами знания о мире в концептуальной системе личности. При этом естественно возрастает воздействующая сила текста, поскольку включаются рецепторы, связанные с разными видами логико-мыслительного и субъективно-эмоционального восприятия, с разумом и чувствами» [Поморцева 2010, 241]. Наиболее частым примером креолизованных текстов служат тексты рекламы, афиши, комиксы, плакаты. Такие тексты можно назвать «семиотически обогащенными», это значит, что помимо сухого формального сообщения в них можно найти и другую, внеtekстовую, информацию, свидетельствующую о том, что ситуация не разыграна и надуманна, а реальна, жизненна.

Использование текстов, сочетающих в себе вербальную и невербальную составляющую, особенно актуально для учебной литературы по РКИ. Например, при изучении темы «В городе» в качестве упражнений для отработки такого вида речевой деятельности, как чтение, могут использоваться реальные тексты объявлений, рекламных афиш, информационных сообщений, предупреждающих табличек и т.д. При этом необходимо сохранять их первоначальный вид: если учащимся предлагается газетное объявление с предложением каких-либо товаров или услуг, должен соблюдаться стиль оформления страницы печатного издания: разбивка текста на колонки, текстовые выделения, порядок подачи информации

(публицистический стиль, акцент на предлагаемый товар или услугу, контактная информация, обычно указанная в конце такого текста). Преимуществом таких материалов является их наглядность, которая, по выражению Н.М. Лариохиной, «является средством сообщения, учащимся новых знаний об объективном мире» [Методика преподавания русского языка иностранцам 1967, 212].

Задания, следующие после такого текста, тоже должны быть направлены на адаптацию учащегося к реальной жизни, носить прагматический характер и быть пригодными для использования в процессе дальнейшего существования в рамках социума. Например, задания, предполагающие ответы на вопросы по тексту, направлены на оценку правильности интерпретации учащимися информации, заключенной в тексте, но не имеют утилитарного характера.

Очень важно иметь в виду цели каждого этапа при составлении комплекса упражнений. Например, целью предтекстовой работы является создание у учащихся мотивации к прочтению того или иного произведения. Можно заинтересовать их рассказом о писателе, интересными фактами о книге, например, скандальной историей ее публикации, или необычными цитатами из текста, после ознакомления с которыми захочется прочитать весь текст. Как показывают результаты апробации в иноязычной аудитории, удачными упражнениями в рамках предтекстовой работы будут считаться такие задания, как: «Найдите небольшой по объему текст современного российского автора и составьте краткую, но интересную аннотацию. Прочтайте ее друзьям так, чтобы они были заинтригованы и тоже захотели прочитать этот текст» (направлен на умение резюмировать содержание – такой навык, несомненно, пригодится студенту в условиях дальнейшей жизни за пределами учебного заведения, – и пересказать его в иной стилистической окраске или с помощью совсем других слов и выражений), «Возьмите уже знакомый остальным текст, выделите в нем ключевые слова.

Пусть сидящие в аудитории по этому списку слов попытаются определить, о каком тексте идет речь» (умение выделять ключевую информацию текста).

На этапе предтекстовой работы предпочтительнее использовать форму диалога с учащимися: можно задать им вопросы о писателе или о жанре произведения, попросить назвать ассоциации с заголовком или аннотацией, сопоставить это произведение с подобными ему в их культурной и литературной среде.

Притекстовая работа, по Н.В. Кулибиной, «должна моделировать (насколько это возможно) в учебных условиях естественную деятельность читателя художественной литературы» [Кулибина 2001а, 98]. На этом этапе учащиеся должны суметь выделить ключевую информацию текста, вступить в диалог с автором произведения и его героями, выявить имплицитные смыслы, заложенные создателем текста. Чтение инокультурных текстов – процесс сложный и трудоемкий, так как одни и те же явления культуры и быта по-разному интерпретируются носителями языка и иноязычными читателями. Именно поэтому на этапе притекстовой работы так важно учитывать лингвокультурный аспект художественных текстов. Преподаватель должен уделить большое внимание содержащимся в тексте культурным кодам: привлечь внетекстовую информацию, сопроводить чтение своими комментариями для создания полной картины мира в том или ином произведении и осуществления полного и верного понимания его.

В рамках подобной работы на первый план выступает такая единица текста, как художественный образ, создающий представление о самом произведении и моделирующий ситуации из реальной жизни человека. Без понимания этих единиц – словесных образов – невозможна полноценная работа с текстом и верная его интерпретация. Мотивом для работы с вызывающими затруднение единицами будет именно непонимание их обучаемыми. Проблемная ситуация, необходимость понять смысл текста и станут отправной точкой для поиска значения образа. Как пишет об этом

С.Л. Рубинштейн: «Начальным моментом мыслительного процесса обычно является проблемная ситуация. Мыслить человек начинает, когда у него появляется потребность что-то понять. Мышление обычно начинается с проблемы или вопроса, с удивления или недоумения, с противоречия» [Рубинштейн 2002, 391].

Наибольшую ценность будут иметь задания, требующие от учащихся привлечения информации из жизни за пределами учебного заведения. Если в текстовом фрагменте присутствуют жанры функциональных текстов повседневного обихода, стоит попросить студентов найти им подобные: например, рекламные объявления или брошюры, объяснить их содержание и составить свои тексты рекламного характера. Помимо определения содержания обязательно нужно спросить студентов о функции такого текста в произведении: зачем автор включил его в текст. Можно также позвонить по указанным телефонам и построить диалог с представителями компаний, в котором будут выяснены подробности о тех товарах или услугах, которые рекламируются. Такие задания носят прагматический характер и стимулируют учащихся строить свои тексты-высказывания.

Последтекстовая работа направлена на перенесение интерпретированного в ходе аудиторной работы текста и его смысла в более широкий литературный и культурный контекст. Максимально эффективным методом работы будет построение дискуссии с учащимися, предметом которой станет само содержание текста. Преподаватель должен при этом задавать вопросы, требующие не односложных ответов, а максимально развернутых высказываний. Необходимо выделить ключевую идею произведения и спросить студентов, согласны ли они с ней или нет, попросить их привести соответствующие аргументы в пользу своей точки зрения. Кроме того, можно вернуться к тем высказываниям, которые были произведены на этапе предтекстовой работы и узнать, оправдались ли ожидания относительно содержания текста, было ли действительно

интересно читать текст, соответствовали ли аннотации и представления о произведении действительности.

1.3. Понятие культурного кода. Языковая картина мира

Как отмечалось, наиболее важной задачей при чтении и интерпретации художественного текста является понимание скрытого смысла словесных образов, содержащихся в произведении. Эти языковые единицы содержат в себе культурные коды, отражающие ментальность русского народа.

Согласно словарю О.С. Ахмановой, языковая единица – это «синтаксически организованная и коммуникативно самостоятельная часть более протяженного высказывания или отдельное высказывание, обладающее само по себе определенной синтаксической организацией и коммуникативной самостоятельностью» [Ахманова 1966, 142]. В Лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В. Н. Ярцевой языковые единицы определяются как «элементы системы языка, имеющие разные функции и значения» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, 149]. «Словарь лингвистических терминов» под ред. Д.Э. Розенталя содержит следующее определение термина: «Отрезок речи, регулярно воспроизводимый как определенное единство содержания и выражения» [Розенталь, Теленкова 1985, 68]. В данном исследовании материалом послужили те единицы, одной из функций которых является реализация тех или иных культурных кодов.

Художественная литература имеет не только эстетическую ценность: она разнообразна по своим жанровым характеристикам, идейной направленности, системе персонажей и изобразительно-выразительных средств, – но и реализует гораздо более важную для иноязычных учащихся функцию: она раскрывает культурные и языковые коды, понятные для носителей языка, восприятие которых при этом является весьма проблематичным в иностранной аудитории. Тем не менее целостное

восприятие текста невозможно без понимания скрытых культурных символов.

Информация лингвострановедческого характера чаще всего содержится в тексте имплицитно. Культурные коды выступают в качестве ключевых носителей национальной культурной информации, именно они определяют языковую картину мира того или иного народа. Неверная интерпретация культурных кодов, невозможность их дешифровки ведет к непониманию между представителями разных наций или целыми народами. Каждая народность уникальна именно потому, что мир она считывает через свои, отличные от других культурные коды. Е.Л. Березович разделяет культурные коды на этнические и концептуальные. Этнический код – обозначение чужих народов, реже – земель. Концептуальный код – это «"язык", орудие для выражения смыслов, имеющих разные формальные "обличья". Смысловое пространство, концентрирующее в себе все, что "знает" культурная традиция на определенную тему, можно представить как своего рода "дискурс", "текст"» [Березович 2007, 341]. Код культуры, по определению В. Н. Телия, – «это таксономический субстрат ее текстов. Этот субстрат представляет собой ту или иную совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений» [Телия 1999, 21]. По мнению В. Красных, «код культуры понимается как "сетка", которую культура "набрасывает" на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и "кодируют"» [Красных 2001, 232].

Под культурным кодом в данной работе понимается индивидуализированная (принимаемая и осваиваемая как часть

миропредставления отдельного индивида) совокупность представлений о картине мира русского народа, сконцентрированная в той или иной языковой единице (слове, сочетании слов или предложении), или фрагменте текста, или целом тексте.

Стоит отметить, что язык выступает не только как инструмент коммуникации, но и культурный код нации. Например, В. Гумбольдт утверждал: «Язык не является произвольным творением отдельного человека, а принадлежит всегда целому народу; позднейшие поколения получают его от поколений предшествующих. В результате того, что в нем смешиваются, очищаются, преображаются способы представлений всех возрастов, каждого пола, сословия, характера и духовного различия данного племени, в результате того, что народы обмениваются словами и языками, создавая в конечном счете человеческий род в целом, язык становится великим средством преобразования субъективного в объективное, переходя от всегда ограниченного индивидуального к всеобъемлющему бытию» [Гумбольдт 1984, 318]. С точки зрения американских релятивистов, «язык оказывается наделенным абсолютной и всеобъемлющей властью. Он устанавливает нормы мышления и поведения, руководит становлением логических категорий и целых концепций, проникает во все стороны общественной и индивидуальной жизни человека, определяет формы его культуры, сопутствует человеку на каждом его шагу и ведет его за собой, как слепца» [Звегинцев 1960, 118]. Язык в полной мере реализует связь с культурой: помимо того, что языковые единицы отражают те или иные оттенки культурной семантики, язык и сам выступает как явление культуры. Эта связь может приобретать перевес в ту или иную сторону, но «вместе с тем в отдельных компонентах, как, например, в лексических единицах с обозначением реалий, в структурной организации текстового единства наблюдается сбалансированное, паритетное сосуществование культурных и языковых факторов» [Иванова 2005, 26]. Осуществляется эта связь по

причине того, что с развитием культуры одновременно происходит ее кодирование в языке. В связи с бесспорным утверждением о том, что язык отражает национально-культурную специфику, или, иначе, языковую картину мира, появляется необходимость истолкования этого термина.

Понятие «языковая картина» ввел в научную терминологическую систему Л. Вайсгербер. Он отмечает, что «ничто так тесно не связано с судьбой какого-либо народа, чем его язык, и нет более тесной взаимосвязи, чем между народом и его языком» [Вайсгербер 2004, 107]. «Понятие "картина мира" относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в нем» [Аксенова, Кузнецова, Мирзоева 2011, 3]. Считается, что языковая картина мира – «совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005, 9] – принимается всеми носителями данного языка. Это понятие активно рассматривалось лингвокультурологами, в монографиях Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995], Г.В. Колшанского [Колшанский 1990], Е.С. Яковлевой [Яковлева 1994], О.А. Корнилова [Корников, 2003].

Важный тезис выдвигает в монографии «Лингвокультурология: традиции и инновации» В.М. Шакlein: «Вся культура обладает общим строением. Ее ключевыми элементами выступают знаки и символы. С их помощью информация передается и интерпретируется. Культура превращает весь окружающий мир в бесконечный набор текстов. Действующий индивид постоянно производит тексты для окружающих и постоянно читает тексты, производимые ими. Все, что интерпретируется людьми, превращается в текст» [Шакlein 2012, 216]. Каждый носитель языка порождает тексты-реакции на речевые стимулы собеседника, и чем богаче культурный багаж индивида, тем осмысленнее и многослойнее будут его высказывания. Умение закладывать скрытые смыслы в свои реплики, производить отсылки к каким-

то общеизвестным фактам, так называемым прецедентным феноменам, приходит только в процессе социализации. Таким образом, языковая картина мира напрямую зависит от культурной составляющей, постигаемой в процессе изучения языка.

В качестве элементов содержания художественного текста – как в качестве объектов описания, так и в роли знаков определенных ситуаций – могут быть использованы и используются следующие компоненты культуры, несущие национально-специфическую окраску:

- традиции (или устойчивые элементы культуры), обычаи (определеняемые как традиции в «соционормативной» сфере культуры) и обряды (выполняющие функцию неосознанного приобщения к господствующей в данном обществе системе нормативных требований);
- бытовая культура, тесно связанная с традициями, вследствие чего ее нередко называют традиционно-бытовой культурой;
- повседневное поведение (привычки представителей некоторой культуры, принятые в некотором социуме нормы общения), а также связанные с ним мимический и пантомимический (кинесический) коды, используемые носителями некоторой лингвокультурной общности;
- «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры;
- художественная культура, отражающая культурные традиции того или иного этноса [Антипов, Донских, Марковина 1989, 76–77].

Таким образом, художественная литература имеет огромную ценность в методике преподавания РКИ, так как служит источником лингвокультурной информации. Использование текстов современных российских авторов позволяет учащимся научиться работать с культурными кодами, заключенными в произведении, дешифровать их и находить информацию, содержащую сведения о национально-культурной специфике

страны изучаемого языка. Кроме того, чтение аутентичных текстов формирует у иностранных студентов представление о русской языковой картине мира. Понимание иного менталитета, традиций и обычаев, убеждений и мотивов позволяет верно интерпретировать поведение других членов социума и правильно реагировать на него для достижения понимания при коммуникации.

ГЛАВА II. ПОВЕСТЬ П. САНАЕВА «ПОХОРОНИТЕ МЕНЯ ЗА ПЛИНТУСОМ» КАК НОСИТЕЛЬ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ

2.1. Определение языковой картины в повести П. Санаева

Произведение П. Санаева «Похороните меня за плинтусом» представляет большой интерес для российских читателей. Нетривиальные ситуации, описанные автором, живая разговорная речь колоритных героев повести, тонкий юмор, над которым невозможно не посмеяться, – все это делает текст интересным и привлекательным для широкого круга читателей.

Кроме того, данный текст представляет интерес в аспекте его изучения на занятиях по РКИ.

Во-первых, «Похороните меня за плинтусом» часто упоминается иностранцами при ответе на вопрос, с какими произведениями русской литературы им хотелось бы познакомиться в рамках учебного семестра. Проявляемый интерес обусловлен тем, что издание можно увидеть в большинстве книжных магазинов нашей страны, оно сохраняет свою популярность вот уже несколько лет. Кроме того, по центральным телевизионным каналам неоднократно транслировалась одноименная экранизация С. Снежкина, снятая в 2008 году. Фильм не полностью соответствует тексту повести, режиссер позволил себе некие отступления от оригинала. Тем не менее это не повлияло на понимание той идеи, которую хотел донести до своего читателя (а впоследствии и зрителя) автор.

Еще одним преимуществом повести является то, что ее автор – наш современник. В языке повести нет устаревших слов и архаичных выражений, которые не только бы были трудны для понимания иностранным читателем, но и не имели бы никакой практической пользы для дальнейшего использования языка. Синтаксический строй предложений достаточно простой, лексика изобилует жаргонными конструкциями и разговорными выражениями. Отрывки текста подойдут для тех учащихся, кто владеет

языком на продвинутом уровне – ТРКИ-3 и ТРКИ-4. Обычно такие студенты уже имеют достаточно богатый словарный запас, но все еще сталкиваются с коммуникативными сложностями при общении с носителями языка, поскольку последние употребляют в повседневной речи разговорную и просторечную лексику, незнакомую иностранцу. Прочтение текста позволит им познакомиться с подобной лексикой, что будет большим плюсом при общении с жителями страны.

Названное произведение, несомненно, можно отнести к числу аутентичных текстов, то есть автор-носитель языка создавал его для носителей же языка, для жителей нашей страны, его современников и потомков. Текст ориентирован на российского читателя: только тот, кто живет в России, способен оценить мельчайшие детали быта, комичность ситуаций, приметы советского времени, органично вплетенные в ткань повествования.

Таким образом, повесть П. Санаева отражает языковое сознание носителя языка, характеризующееся «неразрывной связью лингвистических проявлений с содержанием сознания человека» [Ушакова 2004, 11]. Связь когнитивной составляющей человека и ее вербальных проявлений наиболее полно реализуется в культурных кодах, которые он бессознательно закладывает в процессе речевой деятельности в рамках социума.

Эти языковые единицы (как отдельные слова, так и целые отрывки текста) выступают в произведении в роли культурных кодов, которые без труда дешифрует российский читатель, но вряд ли столь же легко это сделает житель другой страны и носитель другой культуры.

Наибольшую же ценность повесть представляет в аспекте ее лингвострановедческого наполнения. Речь в ней идет о советских временах, которые еще не так далеки от современного студенчества, чтобы быть непонятными и чуждыми, но в то же время кардинально отличаются от современной действительности. Автор рисует неповторимую картину

советской эпохи, когда любая импортная вещь была редкостью, которую нельзя было купить, только «достать», и даже соседи собирались посмотреть на обновку и обсудить ее, а путевки покупались не за границу, а только в санаторий. В произведении очень много ситуаций, типичных для советской эпохи, описаний местности и помещений, реалий, которые современный человек может увидеть разве что в квартире пожилого человека, хранящего их с той поры.

Повествование ведется от лица ребенка – главного героя Саши Савельева. Это (в некоторой степени) наивный, неискаженный, неизвращенный взгляд, лишенный всякого рода стереотипных оценок, общественных и политических влияний. Через призму детского мировоззрения читателю раскрываются отношения между членами семьи бабушки и дедушки, которые воспитывают внука; взаимодействие двух семей – старшего поколения и матери с ее сожителем Анатолием; общение с представителями внешнего мира: врачами из больниц, соседями, знакомыми. Культурные коды, характеризующие ментальность русского человека в его семейных взаимоотношениях, таятся здесь в строках, описывающих, как члены семьи обращаются друг к другу, как обсуждают свои проблемы с внешним кругом друзей и знакомых, как строится распорядок дня в доме.

Потребность понять жизнь героев произведения, представить себе обстановку, в которой разворачивается сюжет, заставляет иностранного читателя привлекать внетекстовую информацию, обогащать культурный и исторический багаж. В процессе чтения и интерпретации повести происходит дешифровка культурных кодов, а как следствие – освоение русской картины мира.

Культурные коды, заключенные в тексте, можно условно разделить на две группы, исходя из того, какой аспект жизни они описывают:

- 1) семейные ценности (вневременные культурные коды);
- 2) материальные ценности (temporальные культурные коды).

Рассмотрим каждую группу подробнее и остановимся на особенностях работы преподавателя при комментировании языковых единиц, содержащих культурные коды каждого типа.

2.2. Семейные ценности (вневременные культурные коды)

Наиболее важной ценностью в жизни русского человека является семья. Испокон веков складывались пословицы и поговорки, подтверждающие это: «Земля без воды мертвa, человек без семьи – пустоцвет», «Дерево держится корнями, а человек семьей». Семейный быт – это наиболее близкая к человеку среда, в ней он проводит больше всего времени, именно по этой причине сохранение теплых семейных отношений – важная задача для каждого жителя дома. Семейные отношения чаще всего изучаются с точки зрения психологии (взаимоотношения между членами семьи, конфликты жителей одного дома) или истории и культурологии (традиции и обычай, бытовой уклад, семейные реликвии и ценности). Речевое же поведение, вербальное выражение чувств и отношения практически не привлекают внимание исследователей, хотя повседневное общение является важнейшим фактором семейной интеграции.

Русская семья – явление для иностранцев в некоторой степени необычное. Здесь многое может удивлять. «Для европейца понятие «моя семья» обычно включает мужа, жену и их детей. Для русского человека это понятие более широкое. Если вы спросите у своего русского партнера о его семье, то, наверное, он назовет жену, детей, родителей, бабушку и дедушку, брата или сестру» [Сергеева 2010, 99]. Таким образом, для русского человека семья – это все его многочисленные родственники, максимально приближенные к нему по степени этого родства. В рамках данного исследования семья может пониматься как коллективный носитель традиции, создающий собственное культурное пространство [Разумова 2001, 9]. Кроме того, семейные роли и семейный уклад могут быть разными для каждого

народа, именно поэтому для иностранцев, приехавших в Россию, эта тема может представлять особый интерес.

«Похороните меня за плинтусом» – это повесть о восьмилетнем мальчике Саше Савельеве, который живет у бабушки с дедушкой, потому что бабушка не доверяет воспитание ребенка своей дочери: «*Меня зовут Савельев Саша. Я учусь во втором классе и живу у бабушки с дедушкой. Мама променяла меня на карлика-кровотийцу и повесила на бабушкину шею тяжкой крестягой. Так я с четырех лет и вижу*» [Санаев (а), URL]. Бабушка ненавидит и осуждает «беспутную» дочь, нашедшую нового мужа. Ее жестокая «любовь» к внуку, больше похожая на ненависть, произрастает из желания иметь послушную и безответную живую куклу, которую можно опекать, лечить и наказывать. Эта «самоотверженная» забота помогает ей ощущать собственную значимость и острее упиваться собственным «страданием», причиняемым лживыми, черствыми и неблагодарными окружающими (включая мальчика). Ребенок, которого она в непрерывном режиме учит ненавидеть мать, плохо поддается этой обработке сознания и пытается вырваться из-под пресса домашней тирании [Похороните меня за плинтусом (а), URL].

Рассмотрим отрывки из главы «На ленточки». Эта глава не включалась в издания повести до 2010 года, но ее можно найти в подарочных вариантах произведения. В тексте главы описывается незамысловатая обстановка бабушкиной комнаты, но особенное внимание уделено такому предмету мебели, как тумбочка: «*Некоторые люди украшают свои письменные столы фотографиями близких, открытками или красивыми календарями. Они кладут все это на стол и накрывают сверху стеклом. Подобным способом бабушка украсила свою тумбочку около кровати. Только вместо открыток и фотографий она держала под стеклом результаты моих анализов. Не все конечно. Только самые худшие. Для всех моих анализов, собранных бабушкой, не хватило бы не то что тумбочки, а даже бильярдного стола. Бабушкина*

тумбочка была значимым предметом мебели в нашей квартире. Ее нутро заполняло множество интересных предметов, но открывать ее, как и все остальные ящики в доме, бабушка мне категорически запрещала» [Санаев (а), URL]. Как и любому ребенку, Саше интересно лазить в недрах шкафов, разглядывать безделушки и играть с ними. Так произошло и в этот раз: мальчик, воображая себя взломщиком сейфов, полез в тумбочку, но ненароком уронил железную лампу, которая в свою очередь разбила стекло. Именно эту картину и застала вернувшаяся из булочной бабушка. Она входит в квартиру со словами: «Сашуля, бабонька пришла. Купила в булочной зефирку с пастилкой. Будешь чаек пить?». Здесь мы видим, что бабушка вполне мирно настроена и рада от того, что она наконец-то вернулась домой и принесла гостинцы для внука. Об этом свидетельствуют ее ласковое обращение к мальчику («Сашуля»), уменьшительно-ласкательные суффиксы в названиях сладостей, создающие игривое настроение («зефирка», «пастилка»), и то, что она называет себя в третьем лице – «бабонька», ведь именно так в тексте произведения к ней обращается внук в минуты особой нежности, стараясь проявить свою любовь.

Увидев, что произошло, бабушка замирает на пороге. Саша пытается оправдать свой поступок: «Я хотел журнал достать... почитать про науку... про новые лекарства...»

Рассмотрим теперь диалог бабушки и внука, обращая особое внимание на то, как возвыщенно-игривое настроение бабушки сменяется праведным гневом:

— Я случайно, баба. Я хотел журнал достать, а лампа упала.

— Чтоб ты упал и не встал! Когда руки не оттуда выросли, нечего лезть. Подождал бы меня, я бы достала. Что это... Ты разбил стекло? Бабушка подбежала к тумбочке. Я сжался на полу и закрыл голову руками.

— А-а-а-а! Чтоб тебя били головой об землю и разбили на сто кусков, как это стекло! Чтоб у тебя жизнь была разбита, как это стекло! Чтоб ты иссох и стал прозрачным, как это стекло, хотя ты и так уже высыхаешь, сволочь. Рассыпал всю гомеопатию, подлец! Чтоб тебя рассыпали и не собирали. Весь каланхое разлил! А-а-а-а! Залил все анализы!!! Господи, убери от меня эту падаль или меня забери к себе, Господи. Дай мне силы не убить его, не покромсать его в кровь осколками. Уйди, мразь, не искушай, а то убью, правда!

Я прошмыгнул у бабушки под рукой и, вжимая голову в плечи, поторопился на кухню. Из комнаты доносились проклятия. Я был проклят всем. И стеклом, которое разбил, и каланхое, которое разлил, и гомеопатией, которую рассыпал, и даже своими анализами» [Санаев (а), URL].

Любому человеку, в первый раз читающему повесть, покажется странным такое поведение бабушки, такое ее отношение к маленькому внуку, поступок которого оправдывается элементарным детским любопытством и непоседливостью. Но уже знакомый с текстом читатель знает, что бабушка обладала целым набором «любимых проклятий» и «неслыханных комбинаций», которые она поочередно адресовала то дедушке, то Саше, но которые уже не несли какого-либо буквального смысла и давно стали привычными. Бабушка, актриса по призванию, умело использует все сказанное собеседником, обращая это против него, произносит изысканные яростные реплики, не вкладывая в них на самом деле тот гнев, о котором говорит. Это скорее рутинное, каждодневное проявление ее характера, ее неудовлетворенности собственной жизнью, нежели действительное выражение недовольства. Подобные комбинации вызывают

читательский смех замысловатостью своих построений и непосредственной отнесенностью к предыдущим репликам адресата.

И.А. Разумова рассматривает семью как носителя определенного фольклора, говоря: «Любая группа, по какому бы признаку она ни объединялась, имеет свои разработанные формы устной коммуникации и известный набор устойчивых текстов, количество которых свидетельствует о ее стабильности» [Разумова 2001, 7-8]. Как следствие, вербальная коммуникация и собственно фольклорные тексты являются основными факторами внутрисемейной интеграции [там же]. Эти бабушкины высказывания можно отнести к первому (внутрисемейному) уровню семейного фольклора. Тексты этой сферы составляют культурную собственность семьи или ее части (микрогруппы) и аккумулируют эзотерическую информацию [Разумова 2001, 21]. То есть это те речевые конструкции, которые употребляются только в кругу семьи при отсутствии сторонних наблюдателей и которые давно привычны для всех обитателей дома.

На самом деле Нина Антоновна очень любит своего внука, по ее мнению, чахлого и весьма болезненного. Любит настолько, что душит его этой любовью, травмирует неусыпным беспокойством и чрезмерной заботой, в чем и кроется объяснение подобных трансформаций ее чувств. Проследим далее ее высказывания, когда она недосчитывается одного осколка и начинает думать, что внук проглотил его:

«— Матерь Божья, заступница, спаси, сохрани и помилуй! Не дай помереть этому кретину раньше времени, пусть еще потянет немногого, — заголосила бабушка. — Ну конечно, он застрял у него в горле. Сашуля, родненький, колет тебе здесь?» [Санаев (а), URL].

Сразу меняется ее отношение: из «ненавистной мрази» внук превращается в «Сашулю» и в «родненького». Здесь и проявляется эта любовь бабушки, о которой она говорит всем, кто готов ее выслушать: «Это

он по метрике матери своей сын. По любви – нет на свете человека, который бы любил его, как я люблю. Кровью прикипело ко мне дитя это. Я когда ножки эти тоненые в колготках вижу, они мне словно по сердцу ступают. Целовала бы эти ножки, утивалась! Никого, как его, не люблю и не любила! Он, дурачок, думает, его мать больше любит, а как она больше любить может, если не выстрадала за него столько? Раз в месяц игрушку принести, разве это любовь? А я дышу им, чувствами его чувствую! <...> Кричу на него – так от страха и сама себя за это кляну потом. Страх за него, как нить, тянется, где бы ни был, все чувствую. Упал – у меня душа камнем падает. Порезался – мне кровь по нервам открытым струится. Он по двору один бегает, так это словно сердце мое там бегает, одно, беспризорное, об землю топчется. Такая любовь наказания хуже, одна боль от нее, а что делать, если она такая? Выла бы от этой любви, а без нее зачем мне жить. Вера Петровна? Я ради него только глаза и открываю утром. Навеки бы закрыла их с радостью, если б не знала, что нужна ему, что могу страдания его облегчить» [Санаев (b), URL]. Подобные высказывания, наполненные устойчивыми речевыми формулами, по классификации И.А. Разумовой, относятся ко второму уровню и призваны препрезентировать семью внешнему наблюдателю [Разумова 2001, 21]. Эти слова не произносятся в стенах дома, они предназначены только для круга других слушателей. Они не являются ложью, это потаенные чувства, скрытые в душе Сашиной бабушки, которые она не может доверить никому, кроме практически постороннего человека.

Как мы видим из этого описания, эта любовь – единственная отрада пожилой женщины, единственная ее возможность почувствовать себя нужной кому-то, так она выражает свое желание быть необходимой для кого-то. Это и нужно донести до учащихся, чтобы они не воспринимали такое поведение бабушки по отношению к внуку как нормальное. Необходимо донести до них, что в этой семье произошла трансформация семейных

ценностей, что любовь превратилась в чудовищную и болезненную страсть, что бабушка стала из заботливой опекунши властным и жестоким тираном.

Выбранная нами глава имеет кольцевую композицию: редкое проявление бабушкиной любви заканчивается и ее поведение возвращается на круги своя, когда она понимает, что осколок не попал в организм внука, а просто прилип к ее обуви:

«— Какого ляды ты морочил мне голову?»

— Но мне колет, баба!

— Чтоб тебе кололо всю жизнь, негодяй! Я извелась до кровавой пены, а ты измываешься. Это же надо, над чужим страхом, над чужой болью так издеваться жестоко... — заплакала бабушка, доставая нитроглицерин, — Ну, ничего, садист, тебе все это горючими слезами выльется, горше моих. По-настоящему страдать будешь, не притворно.

— Но мне вправду колет, — жалобно возразил я.

— Поколет и перестанет! — отрезала бабушка» [Санаев (а), URL].

Найти подобные примеры разрушения стереотипных представлений о семейных взаимоотношениях можно и в основном тексте повести.

Отношение бабушки к внуку во многом обусловлено ее отношением к собственной дочери, которая, по ее словам, «беспутная сволочь», неспособная воспитывать ребенка. Наиболее типичными в повести являются ситуации, когда бабушка попрекает Сашу его матерью, говоря, что он всеми своими болячками расплачивается за ее грехи. Например, это показывает читателю фрагмент главы «Белый потолок»:

«— Га-ад. Так издеваться! Так кровь из человека пить! Матери твоей сколько талдычила: «Учись, будь независимой», сколько тебе талдычу — все впустую... Такой же будешь, как она. Таким же дерымом зависимым. Ты будешь учиться, ненавистный подлец, ты будешь учиться, будешь учиться?!!! — закричала вдруг бабушка во весь голос и, отбросив в сторону

бритву, схватила ножницы, которыми я вырезал заданную на уроке труда аппликацию» [Санаев (b), URL].

Подобная ситуация описана и в главе «Железноводск»:

«— Мать твоя тебе не вышивает, чтоб ей саван могильный вышили! — приговаривала бабушка, укладывая крупные стежки белой нитки так, чтобы они образовывали букву С. — Я до колик в глазах шью. На, клади в чемодан... » [Санаев (b), URL].

При разговорах с окружающими Нина Антоновна также часто упоминает беспутство матери и, как следствие, длинный перечень болезней, которыми, по ее мнению, страдает внук. Эти давно ставшие привычными рассказы, своего рода семейный фольклор, слышит и врач Галина Сергеевна, которая приходит лечить Сашу:

«— Ах, Галина Сергеевна, — сказала бабушка. — Несчастный страдалец этот ребенок. Есть мудрая поговорка: за грехи родителей расплачиваются дети. Он расплачивается за грехи своей матери-потаскухи... Бабушка принялась рассказывать про грехи моей матери, выбирая те, о которых Галина Сергеевна не слышала в предыдущие визиты, и дополняя известные ей новыми подробностями. Галина Сергеевна прервала ее и стала меня слушать» (глава «Похороните меня за плинтусом», [Санаев (b), URL]).

Подобные рассказы слышит и мать Сашиной одноклассницы, «золотой девочки», отличницы Светочки:

«У меня теперь одна забота, отрада в жизни — дитя это несчастное. За что, Вера Петровна, ребенок этот так страдает? В чем он перед Господом провинился, сирота при живой матери? Места живого нет на нем, весь изболелся. Из последних сил тяну — выхаживаю. <...> Это он по метрике матери своей сын. По любви — нет на свете человека, который бы любил его, как я люблю. Кровью прикипело ко мне дитя это» (глава «Скора»[Санаев (b), URL]).

По мнению И.А. Разумовой, «сходство родственников – одна из граней универсальной повторяемости, организующей систему фамильных связей и единый ритм семейного бытия» [Разумова 2001, 42]. Бабушка в тексте произведения все свои высказывания подводит под этот аспект «семейной судьбы», часто это происходит в диалогах с мужем:

«– А ты дакай, дакай! Одну сволочь вырастили, теперь другую тянем на горбу. – Под первой сволочью бабушка подразумевала мою маму. — Ты всю жизнь только дакал и уходил таскаться. «Сенечка, давай то сделаем, давай это...» «Да... Потом...» Потом – на все просьбы одно слово!» (глава «Утро» [Санаев (b), URL]), *«– С дочерью я маялась – ты таскался, внук подыхает – ты таскаешься. Предателем был, предателем остался, – говорила бабушка, перебирая коробки конфет, многие из которых покоробились от долгого лежания и годились теперь только лечащим врачам»* (глава «Лосося» [Санаев (b), URL]).

Но, несмотря на все закономерности, подкрепленные бабушкиными словами, можно увидеть, что высказывания эти несут скорее негативный характер. Она не испытывает гордости за свою семью, эти семейные сходства для нее являются скорее горем, нежели счастьем.

А.В. Сергеева отмечает, что «чувствуя себя «центром вселенной», дети часто капризны, избалованы и ведут себя как маленькие диктаторы» [Сергеева 2010, 100]. Саша сознательно пытается иногда позлить бабушку, вызвать проявление ее эмоций, заставить закричать, но делает он это для баловства, для забавы, а не для привлечения к себе внимания:

«Одним из моих любимых развлечений было заставить бабушку кричать, а потом сразу показать ей, что кричит она напрасно. Однажды за рыбным кормлением я посмотрел на пакет молока и многозначительно произнес:

– Ем кость.

– Плюнь! Плюнь скорее, сволочь! Плюнь!

– *Что плюнь?*
 – *Кость!*
 – *Да нет, – показал я на молоко, – я просто читаю. Ем кость один литр.*

– *Емкость, кретин! – подскочила на табурете бабушка, но повода для крика у нее не было. Я был в восторге от своей проделки!*» (глава «День рождения» [Санаев (b), URL]).

Маленький Саша не любит бабушку, чурается ее холодных, мокрых поцелуев, елозящих по его шее, тяготится ее чрезмерным вниманием и постоянной, круглосуточной заботой. Ее безграничная любовь трансформируется и приобретает самые чудовищные формы, она изводит ребенка, пытаясь почувствовать себя нужной, значимой в этой семье, полезной для кого-то. Рассмотреть это можно на примере ее отношений с внуком, обратив особое внимание на то, как она его называет:

«– *Мразь!!! – заорала она. – Вставай немедленно, или я тебя затопчу ногами!!!*

Я *встал и, ежась от холода намокшей на спине рубашки, подошел к бабушке. Она схватила меня за воротник и потащила в купе*» (глава «Железноводск» [Санаев (b), URL]);

«*Когда мне пришла в голову такая прекрасная мысль — быть похороненным за маминым плинтусом — то единственным сомнением было то, что бабушка могла меня маме не отдать. А видеть из-под плинтуса бабушку мне не хотелось. Чтобы решить этот вопрос, я так прямо у бабушки и спросил: «Когда я умру, можно, меня похоронят у мамы за плинтусом?» Бабушка ответила, что я безнадежный кретин и могу быть похоронен только на задворках психиатрической клиники*» (глава «Похороните меня за плинтусом» [Санаев (b), URL]).

Эти примеры опровергают стереотипное представление исследователей семейных отношений о том, что «отношения с самыми близкими людьми

отличаются психологической близостью, взаимной авторитетностью партнеров, положительной эмоциональной окрашенностью», «родственные отношения и есть подлинные отношения любви и близости, их, по образному выражению С. Л. Рубинштейна, можно охарактеризовать как чувство «хорошо, что ты существуешь в мире» [Шнейдер 2013, 43-44].

Очень важно, таким образом, показать учащимся, что семейные отношения могут быть самыми разными: как теплыми и дружественными, так и иными – шокирующими для окружающих, трансформировавшимися в чудовищную опеку по причине огромной, всеобъемлющей любви, гипертрофированной привязанности и неудовлетворенности собственной жизнью одного из членов семьи.

Для работы с темой, посвященной семейным ценностям, был разработан конспект урока на основе фрагмента фильма «Похороните меня за плинтусом», снятого С. Снегкиным.

Среди множества технологий преподавания РКИ работа с художественными фильмами является довольно продуктивной (см., например, [Стрельчук 2011]), так как просмотр отрывков из фильма делает занятие увлекательным для учащихся, увеличивает их интерес к образовательному процессу, расширяет их социокультурные представления и знакомит с различными (порой совершенно неожиданными) ситуациями общения. Фильм несет в себе не только лингвистическую, но и культурно-эстетическую информацию, позволяет студенту-иностранцу составить общее представление об образе жизни, этикете, традициях, бытовом укладе другого народа. Кроме того, кино оказывает мощное эмоциональное воздействие и способствует возникновению глубоко прочувствованного отношения как к предмету изображения, так и в целом к культурной среде, в которой появилось это произведение искусства [Воробьёва, Батурина 2011, URL]. Стало быть, иностранным учащимся необходимо предлагать на занятиях и в свободное время не просто просмотр художественных и

мультипликационных фильмов, но целенаправленную работу с ними [Кудрявцева 2008, 20].

Большинство изданий о России и русских, предназначенных для иностранцев, предлагают стереотипную, строго положительную, прошедшую жесткую цензуру информацию. Это происходит по двум причинам: во-первых, сказывается недостаток времени, отведенного на учебные занятия, а как следствие – значительное сокращение материала для занятий и строгий его отбор, а во-вторых, необходимость формирования строго положительного имиджа России в глазах иностранцев, из-за чего многие преподаватели стремятся показывать только «добрые» фильмы, читать с учащимися классические, лишенные всякого негатива тексты. Отрывки, взятые для занятия, показывают разные стороны жизни семьи, проявление как положительных, так и отрицательных качеств ее членов, коммунальный быт и все разнообразие живого русского языка. В результате иностранцы смогут увидеть трансформацию семейных ценностей, взглянуть на Россию в другом ее проявлении. Помимо этого, если возникнет интерес, учащиеся смогут самостоятельно посмотреть фильм целиком, а также прочитать повесть П. Санаева.

Целью предлагаемого занятия является формирование речевых компетенций, развитие навыков аудирования, письма и говорения, а также пополнение представлений о социокультурном пространстве России.

Одними из ключевых в понимании взаимоотношений бабушки и внука являются фрагменты разговора героини по телефону со знакомой и проверки домашнего задания. Именно на сопоставлении этих, на первый взгляд, кардинально противоположных эпизодов и основывается работа в иностранной аудитории.

Работа с указанными фрагментами включает несколько этапов.

1. Подготовительный (диалог с иностранными учащимися о том, какими им представляются семейные ценности в России, какой они видят

русскую семью, ее членов, как в ней осуществляется воспитание детей и т.д.).

На данном этапе стоит задать учащимся такие вопросы, как:

- что для вас значит понятие «семья»?
- как в вашей стране происходит воспитание детей? какие обязанности выполняет в семье мать? отец? бабушка и дедушка?
- какой вы представляете традиционную русскую семью?
- какие ценности, по вашему мнению, выдвигаются в семье на первый план? и т.д.

2. Просмотр видеофрагментов. Для работы на занятии были выбраны два фрагмента фильма. Первый фрагмент показывает зрителям, как бабушка проверяет у внука домашнее задание. Здесь она кричит на него, обзывает грубыми словами и сравнивает с матерью, которая, по ее словам, «зависимое дермо». Второй – тот, в котором бабушка разговаривает по телефону с Верой Петровной, рассказывает ей о своей судьбе и о нынешней жизни, жалуется на мужа и говорит о своей любви к маленькому внуку. Первый образует резкий контраст с тем, что говорит бабушка о своем внуке по телефону во втором эпизоде.

Непосредственно перед просмотром фильма аудитории также предлагается ряд вопросов, на которые необходимо ответить (это поможет учащимся обратить внимание на необходимые детали, мотивирует их к просмотру фрагмента):

- каким должно быть отношение матери к ребенку? бабушки к внуку?
- что должна разрешать и запрещать мать? чем она может пожертвовать ради ребенка?
- какими словами можно выразить любовь к ребенку?
- бывает ли любовь-жестокость? любовь-страдание? любовь-зависимость?

3. Обсуждение видеофрагментов. По окончании просмотра иностранцам предлагаются задания, направленные на выявление того, как

они поняли содержание эпизода, какое впечатление он произвел на них. Кроме того, на данном этапе им необходимо выполнить упражнения на формирование речевых компетенций, усвоение новой лексики и грамматики.

Вопросы после просмотра могут быть следующими:

- что происходит в просмотренных эпизодах? кем приходятся друг другу герои?
- соответствует ли ваше впечатление после просмотра тем представлениям о семье, о которых говорилось в начале занятия?
- создалось ли у вас впечатление, что бабушка действительно безгранично любит своего внука, души в нем не чает?
- есть ли в первом эпизоде объяснение тем эмоциям, которые испытывает бабушка во втором?
- как вы сами думаете, почему бабушка так взволнована? почему она так сильно кричит на Сашу?

После просмотра фрагментов стоит дать свой комментарий происходящего. Прежде всего необходимо объяснить, что воспитание ребенка бабушкой – нормальная практика в российской семье. Молодые родители работают, зарабатывают деньги, а пенсионерка-бабушка располагает большим количеством времени и может присмотреть за ребенком. Но люди пожилого возраста зачастую становятся излишне эмоциональными, более чувствительными и раздражительными. Отсюда и происходит трансформация их отношения к ребенку, проявляется чрезмерная забота и постоянное волнение, которое может не помогать, а временами и вредить внуку. Вот что говорит сама актриса Светлана Крючкова, сыгравшая роль бабушки Нины Антоновны, в интервью газете «Известия»: «Она была наделена уникальным талантом любить. Но ее любовь оказалась не востребована мужем, который женился только потому, что поспорил, а вовсе не по любви. Обстоятельства и окружение насильственно загоняют огонь внутрь, и женщина превращается в урода. Я всегда привожу пример из

«Регтайма». Там герой говорит: «Господи, ты вложил в мою душу столько гнева, но не научил меня, что с ним делать». В бабушку вложено столько любви, а вот что с ней делать, она не знает. Есть потребность любовный огонь, палящий ее изнутри, на кого-то излить. Этой жертвой и стал внук. Внимательный глаз и страдавшая душа угадают в фильме это невысказанное желание Нины Антоновны быть счастливой и необходимой. Она неадекватно реагирует на происходящее – от отчаяния. От того, что мир ее не воспринимает. А что такое для нас мир? Это наши близкие – муж, ребенок...» [Рамм 2009, URL].

Именно это и нужно объяснить учащимся, чтобы избежать искажения их представлений о семейных ценностях в России и о любви русской женщины к своим детям и внукам. Необходимо, чтобы студенты поняли, что подобная трансформация вызвана чрезмерной любовью бабушки к Саше, что это та любовь, которая душит, которая травмирует и калечит ребенка.

4. Завершающий этап предполагает выяснение того, повлиял ли анализ фрагмента из фильма на первоначальное представление студентов о семейных ценностях в России. Данный этап представляет собой выполнение самостоятельной письменной работы, основанной на сравнительно-сопоставительном анализе привычных представлений о русской семье и того, как они показаны в фильме. Подобную работу можно оформить в виде таблицы:

Семейные взаимоотношения	Традиционное представление	Представление в фильме
Человек, отвечающий за воспитание ребенка	<i>Мать (отец)</i>	<i>Бабушка</i>
Характер взаимоотношений между воспитателем и	<i>Любовь, уважение, взаимопонимание, поддержка</i>	<i>Воспитатель – тиран, злодей; воспитанник –</i>

воспитанником		<i>запуганный, беззащитный, угнетенный.</i>
Обращение к ребенку	...	...
Процесс проверки домашнего задания	...	...
Способы речевого выражения чувств, испытываемых к ребенку	...	...

Иностранец, приехавший в нашу страну, должен знать не только язык, но и иметь представление об укладе жизни, традициях и ценностях русского народа. Носителем вневременных культурных кодов в повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом» являются такие языковые единицы, как обращения членов семьи друг к другу («бабонька», «Сашуля», «садист»), семейная фразеология («так кровь из человека пить», «тебе все это горючими слезами выльется»), реплики из бытового семейного общения и высказывания, презентирующие семью внешнему окружению – знакомым, соседям.

Выделенные культурные коды свидетельствуют о том, что семейные ценности, описываемые автором в произведении, подверглись трансформации, так как описание деталей внутрисемейного общения далеко от привычного, стереотипного. Чудовищная любовь бабушки к внучке выливается в такие последствия, как постоянное беспокойство и чрезмерная опека, что порождает гневные высказывания, обращенные к мальчику.

Осмысление этих культурных кодов в иноязычной аудитории должно строиться по модели сопоставления традиционных семейных ценностей в России с тем, что мы находим в повести П. Санаева. В результате такого

сравнения учащиеся должны верно интерпретировать подобные языковые единицы: увидеть разрушение речевых стереотипов в рамках общения членов семьи и трансформацию семейных ценностей. Для более точного восприятия авторского замысла можно использовать не только текст повести, но и ресурсы кинематографа, поскольку художественный фильм содержит невербальную информацию и обладает наглядно-образными ресурсами.

2.3. Материальные ценности (temporальные культурные коды)

Помимо деталей внутрисемейных отношений в повести можно также найти множество описаний обстановки квартиры, в которой проживают герои, и иного имущества, принадлежащего членам семьи, особенности их быта, рассказы о поездках. В этих фрагментах произведения также содержится большое количество культурных кодов, раскрывающих ментальность человека советской эпохи. При этом такие коды, в отличие от семейных, нельзя отнести к категории «вечных», не меняющихся ценностей. Они принадлежат тому времени, в котором разворачивается повествование. Тем не менее их понимание обеспечит полное погружение в сюжет и позволит верно интерпретировать авторский замысел.

Советская эпоха не ушла полностью, пережитки ее сохраняются во многих российских домах и поныне. Именно поэтому при чтении повести очень важно уделить большое внимание именно тем фрагментам, которые содержат описание материальных ценностей.

Социальный статус и материальное благополучие занимают не последнее место в иерархии ценностей русского человека. Это подтверждается и афоризмами из русской культуры: «Не в деньгах счастье, а в их количестве», «Алтын серебра не ломит ребра», «Денежка не бог, а бережет», «Есть чем звякнуть, так можно и крякнуть». Без понимания важности для русского человека таких аспектов жизни, как богатство, материальное благополучие, обеспеченная жизнь, невозможно понимание не только подобных пословиц и поговорок, но и более обширных аутентичных текстов.

В ходе чтения произведения можно увидеть, что автор не делает акцент на теме материального статуса двух семей, описанных в произведении, но читатель способен дешифровать в процессе чтения культурные коды и считать через них эту информацию. Способен ли иностранный читатель также легко определить, живет ли семья в достатке или члены ее бедны, если эта

информация специально не подчеркивается в тексте, пользуясь только намеками, символами, опознавая скрытые смыслы через дешифровку кодов?

Основной антитезой, на которой строится описание достатка, является противопоставление двух семей: бабушки и деда, которые и опекают Сашу Савельева, и матери Саши с ее «карликом-кровопийцей», как именует его бабушка.

Рассмотрим фрагменты, описывающие финансовое положение старшего поколения.

Несколько раз в повести встречается описание квартиры: «Комната у нас было две. Сразу у прихожей за двусторочатыми стеклянными дверями располагалась комната дедушки. Дедушка спал там на раскладном диване, который никогда не раскладывал, потому что внутри была спрятана какая-то старая, переложенная от моли пучками зверобоя одежда и материя. Кроме дивана с жучками, в комнате стояли стол, сервант, огромный буфет, который бабушка называла саркофагом, телевизор и два табурета. Верх буфета был сплошь заставлен дедушкиными сувенирами. Дедушка был артистом, много ездил по разным городам с концертами и из каждого города привозил какого-нибудь деревянного медведя с бочонком, бронзовую Родину-мать с мечом, обелиск "Никто не забыт, ничто не забыто" или костяной значок "390 лет Тобольску"» [Санаев (b), URL].

Для того чтобы понять, почему комната выглядела именно так, необходимо знание внетекстовой информации о типичном жилище русского человека, о квартире в период советской эпохи. При чтении данного фрагмента текста стоит объяснить иностранной аудитории, что в те времена, когда существование коммунальных квартир, в которых жили десятки человек, было очень распространено, две комнаты для одной семьи были роскошью. Вот, например, что пишет А.В. Сергеева о «типичной русской квартире»: «Чаще всего в российских квартирах нет строгого разделения на спальню, гостиную, кабинет. Это было бы хорошо, да комнат не хватает.

Четко выделяется только детская комната, особенно если ребенок еще маленький. В самой большой комнате – ее можно считать гостиной – нет кроватей, но на диване обычно кто-то из членов семьи спит ночью. Традиционные кровати в русском доме среднего достатка редки. Из-за тесноты, а также стремясь придать своему жилью более достойный вид, люди чаще покупают диван (софу), который на ночь раскладывается» [Сергеева 2010, 44]. Эта информация подтверждает написанное П. Санаевым и объясняет, почему дедушка спит на раскладном диване, а, например, не на кровати в спальной. В комнате достаточно неплохая меблировка: сервант, буфет и диван были признаками зажиточной семьи. Для иностранца может быть непонятно слово «сервант», хотя русские употребляют его в речи достаточно часто. Итак, сервант – это «шкаф с застекленными полками для хранения посуды и столового белья» [Крысин 2008, URL]. В «Большом словаре иностранных слов» имеется уточнение размера данного предмета мебели – «небольшой» [Большой словарь иностранных слов, URL]. В чем же его отличие от буфета, тоже упомянутого автором? Буфет – «большой шкаф с отделениями для хранения посуды, столового белья, закусок и напитков» [Ушаков 2013, 48]. При сравнении двух этих определений видна разница буфета и серванта, а также становится понятно, что буфет «бабушка называла саркофагом» из-за его большого размера, громоздкости и угловатости, а также из-за того, что вещи, которые в нем хранились: какие-то пластинки, мотки шерсти, пыльные бутылки вина, посуда – никогда не вынимались. Кроме того, мы замечаем наличие большого количества старой одежды, пользоваться которой нет никакой нужды, так как и без того хватает новой. Множество старых вещей, которые бережно хранятся, но практически не используются, присуще любому русскому дому. «Выкинуть жалко» – вот основная причина, по которой они лежат в закромах и ящиках, на антресолях и полках. Вещи со временем портятся, истлевают, их грызет моль и другие мелкие насекомые. Поэтому и перекладывают их сушеным травой, связанный

в пучки или насыпанной в тканевые мешочки, обычно с резким запахом, неприятным для насекомых. Это также необходимо объяснить иностранцу при прочтении выбранного фрагмента.

Наличие в квартире большого количества сувениров также типично, как и все описанное до этого. А.В. Сергеева пишет: «Если вы приглашены в русский дом среднего достатка, то вам может броситься в глаза обилие множества мелких вещей: комнатных цветов на подоконниках или на специальных столиках, всякие покрывала, нарядные салфетки и скатерти, ковры и ковровые «дорожки», занавески, картинки и многочисленные фотографии на стенах, вазочки, статуэтки и другие мелкие украшения, хранящие память о событиях и людях сентиментальные сувениры» [Сергеева 2010, 46]. В русском доме все выставляется напоказ – хрустальная посуда в советские времена, чтобы продемонстрировать всем входящим в квартиру зажиточность и достаток хозяев, сувениры, отчасти напоминающие о путешествиях, отчасти демонстрирующие, сколько городов и стран объездили обитатели этого дома. Из предметов обихода присутствует также телевизор – вещь дорогая и имеющаяся не в каждом доме.

«Если верх буфета был заставлен дедушкиными сувенирами, чем были забиты его ящики, не знал толком никто. Я пару раз открывал их, видел какие-то пластинки, мотки шерсти, пыльные бутылки вина, посуду. <...> Вторую комнату мы называли спальней. Там стояли два огромных шкафа, набитых, как и буфет, неизвестно чем, мутное зеркальное трюмо с тумбочками по бокам и огромная двуспальная кровать, на которой спали мы с бабушкой» [Санаев (b), URL]. Как видит читатель, в квартире очень много запылившихся вещей, которыми никто не пользуется. Обосновать это можно страхом дефицита, бушевавшего ранее в СССР, когда невозможно было что-то купить, полки в магазинах были пусты, а «достать» необходимые вещи было огромной удачей. Трюмо и двуспальная кровать также говорят о благополучии семьи – обычно мебель была самой простой и неказистой.

«Самыми интересными деталями нашего интерьера были два холодильника. В одном хранилась еда и консервы, которые брал на рыбалку старый гицель, другой битком был набит шоколадными конфетами и консервами для врачей. Хорошие конфеты и икру бабушка дарила гомеопатам и профессорам; конфеты похоже и консервы вроде лосося — лечащим врачам поликлиник; шоколадки и шпроты — дежурным врачам и лаборанткам, бравшим у меня кровь на анализ» [Санаев (b), URL]. Питание семьи тоже было очень неплохим: они могли позволить себе консервы, шоколад и даже икру. Помимо этих продуктов, бабушка не раз упоминает в своих высказываниях то, что она покупает ребенку яблоки, виноград, мясо для котлет, рыбу, множество овощей — и все на рынке, а значит, качественное и свежее. И даже приманкой в мышеловке служит эдамский сыр. Много денег уходит и на лечение мальчика, что также следует из бабушкиных высказываний: «*Пятьдесят рублей за прием. Жулик!*», «*Я лекарства по пятьдесят рублей покупаю, а она блошки приносит!*» [Санаев (b), URL].

По ходу повествования выясняется также, что у дедушки есть машина. В эти годы машина стоила очень дорого. Стоит ли говорить, что для машины был также куплен и гараж, который находился прямо под окнами бабушкиной квартиры: «*Бабушкаглянула в окно. Железные двери гаража тускло освещал свет уличного фонаря*» [Санаев (b), URL].

Самый же главный вывод, который делает позже читатель, — это то, что все эти блага приобрел дедушка, который был достаточно известным артистом и часто ездил на гастроли: «*Она же дня в своей жизни не работала, не знает, откуда деньги берутся. Всю жизнь я работаю, всю жизнь ее содержжу*» [Санаев (b), URL]. С гастроляй дедушка привозит не только сувениры, подаренные восторженными поклонниками, но и дорогие подарки для бабушки и внука: «*Шубу новую я из Югославии ей привез — в клочки изрезала. Духов флакон «Шанели» — разбила*», «*Так, вернувшись из Финляндии, дедушка торжественно вручил мне маленький фонарик, я весь*

день бегал с ним по квартире и всюду светил <...> В другой раз дедушка привез спиннинг и сказал, что это для меня, потому что скоро на рыбалку мы поедем вместе.<...> Из поездки в Ирак дедушка привез магнитофон» [Санаев (b), URL]. Импортные вещи были недоступны для обычных российских жителей вследствие существовавшего совсем недавно «железного занавеса» между СССР и заграницей, а здесь автор упоминает и духи «Шанель», и магнитофон «Филипс».

Увидеть описание кухни читатель может в главе «Лосося»: «Как выглядела наша кухня, можно было понять, когда я рассказывал про поставленный на видное место чайник. Могу только добавить, что из «видных мест» состояла в общем-то вся квартира. Повсюду были нагромождены какие-то предметы, назначения которых никто не знал, коробки, которые неведомо кто принес, и пакеты, в которых неизвестно что лежало. <...> На шкафах лежали выложенные в ряд дозревать яблоки, бананы или хурма — в зависимости от сезона. Иногда хурма дозревала слишком, и над ней начинали виться крошечные мошки. Они же вились всегда над стоявшими на мойке коробочками с сырными корками и прочими мелкими отходами, приготовленными бабушкой для подкармливания птиц. Пол в коридоре бабушка застилала газетами, меняя их по мере ветшания. Она боялась инфекции, обдавала кипятком ложки и тарелки, но говорила, что на уборку у нее нет сил» [Санаев (b), URL].

Стоит объяснить учащимся, почему так захламлена квартира (неведомые предметы, пакеты, коробки): пожилые люди часто оставляют все, что может хоть когда-нибудь, по их мнению, пригодиться, — оказывается жизнь в послевоенное тяжелое время, когда был дефицит большинства товаров и постоянно чего-то не хватало, когда любая мелочь действительно могла пригодиться. Кроме того, существовал «железный занавес», отделявший Россию от других стран, а потому зарубежные товары были в диковинку, их очень высоко ценили и бережно хранили. Этот период жизни

нашей страны кардинально отличался от нынешней эпохи, когда любой товар можно купить в ближайшем магазине, а сообщение с другими государствами отлажено практически до совершенства.

Можно рассказать и о фруктах, появляющихся в магазинах по сезону: яблоки вкуснее всего летом, когда их закупают у местных поставщиков, а хурма чаще всего появляется поздней осенью или в начале зимы. Фрукты, которые бабушка покупала для孙儿, во многом тоже показывают материальное благополучие: стоят они недешево даже по нынешним меркам и отнюдь не являются продуктами первой необходимости. Поэтому тот факт, что в доме всегда была хурма, бананы или яблоки, говорит о том, что у семьи достаточно средств, чтобы покупать их. Также нужно упомянуть и то, что русские часто вешают во дворах кормушки для птиц, которым холодными зимами не хватает пищи, насыпают туда зерно, крупы, хлебные и сырные крошки, что также упоминает автор в тексте.

Итак, мы видим, что семья дедушки и бабушки обладала уровнем благополучия, который был значительно выше, чем у простого человека, что доказывается наличием накоплений (деньги, облигации), квартиры, машины, гаража и других недорогих предметов интерьера, поездкой в санаторий на месяц и заграничными подарками.

Привычка выставлять богатство напоказ появилась еще в царские времена: бояре щеголяли в роскошных шубах и с дорогими украшениями, количество которых было очень велико. Современный россиянин также не скрывает своего богатства, скорее наоборот: если кто-либо приезжает на новой машине или же покупает другую дорогую вещь, он хочет, чтобы её заметили, он всячески обращает на это внимание окружающих. Если покупка осталась незамеченной, у человека остается чувство обиды. Иностранцу важно объяснить, что если он заметил у русского какую-то дорогую, красивую вещь, то обязательно стоит ее отметить особо, выделить, похвалить, это очень льстит русскому. Но в тот период было не принято

выставлять напоказ свои блага: не так давно существовал принцип раскулачивания богатых, и наш народ все еще опасается, что имущество могут забрать. Бабушка прячет все, что может указать на достаток семьи. Объясняется это как причинами вполне материальными: соседи и знакомые могли пожаловаться в правительственные органы, что вызвало бы множество вопросов и осуждение, – так и нематериальными, банальным суеверием, что кто-то может позавидовать и сглазить: «*…если спрашивали, куда уехал с концертами дедушка, отвечала, что он не на концерте, а на рыбалке, чтобы знакомые не подумали, будто он много зарабатывает и, позавидовав, не сглазили*», «*Все деньги, которые приносил дедушка, бабушка расстихивала по одной ей ведомым тайникам и часто потом забывала, сколько и куда положила*» [Санаев (b), URL]. Все эти признаки зажиточной семьи не акцентируются автором в тексте, они органично вплетены в ткань повествования, но читатель все равно распознает эти культурные коды в тексте, делает вывод о финансовом благополучии.

Совсем другое говорится о семье Сашиной матери. Дедушка при разговоре с другом упоминает, что квартира для нее была куплена им. В целом же, никаких других ценностей у Ольги (так зовут Сашину маму) и ее сожителя Анатолия нет. Шуба, купленная ею на деньги от своей первой роли, до сих пор висит в бабушкином шкафу. Машину они себе тоже позволить не могут – передвигаются на общественном транспорте. Подчеркивает бедность и отсутствие денег также сцена с шапкой, которая не угодила бабушке, на что мать отвечает, что другой нет, и мамины слова, предназначенные для Саши: «*Не грусти, сыночка. Скоро дядя Толя получит хорошую работу, у нас будет много рублей, и я смогу тебя забрать. Мы давно хотим, но нам вдвоем сейчас совсем жить не на что — как мы втроем будем?*» [Санаев (b), URL].

Особенно плох в глазах родителей Анатолий, которого иначе, как «карлик-кровопийца», бабушка с дедом не зовут: «*Что он может*

заработать? Первое время хоть не пил вроде, а сейчас, бабка говорит, опять хлещет. Я не знаю, я с ними не общаюсь. Клубы какие-то он оформлял, спектакли самодеятельные. Копейки это, на бутылку только», «Бабушка объяснила мне, что дядя Толя — карлик-кровопийца, который хочет переехать в Москву и все у нас отобрать. Он хочет мамину и бабушкину квартиры, дедушкину машину, гараж и все наши вещи», «И слоника, и бобика, и хрена с маслом! Она у меня шубу свою третий год забрать не может, куда им гараж с машиной. Хотя он рассчитывает, конечно! В Москву он уже перебрался, распишется с ней, получит прописку. Сволочь проклятая! Понимает: мы сдохнем — наследство тебе с этой идиоткой» [Санаев (b), URL].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что повесть П. Санаева наполнена большим количеством культурных кодов, отражающих представление о материальном благополучии, что доказывает важность этого аспекта жизни для русского человека. Для иностранца важно знать отношение к материальной составляющей, как и какими символами выражается в русской культуре зажиточная семья. Это представление отражается на поведении русского человека: все свои блага он выставляет напоказ, когда в дом приходят гости, то на стол ставят только самое лучшее, достают красивые сервизы, покупают ради такого случая дорогие продукты, даже если будут потрачены последние деньги. Но нужно понимать противоречивость русского менталитета: человек, с одной стороны, не гнушается бравировать вещами, подчеркивающими его материальный и социальный статус, с другой, в разговоре с окружающими всегда будет прибедняться, говорить, что все совсем не так. Объясняется это также страхом потерять нажитое, боязнью, что кто-то придет, отберет, раскулачит.

Но не только материальные ценности могут заинтересовать иностранного читателя при чтении произведения, есть и другие детали и ситуации, которые были типичны для 80-х годов прошлого столетия, но они

значительно изменились или пропали из жизни современного россиянина полностью. Вот фрагмент главы «Белый потолок»: *«Ложиться спать я не любил. Обычно, если не требовалось рано вставать, бабушка разрешала мне смотреть с ней после программы «Время» фильм. Она почесывала натертые резинками салатовых трико места, я хрустел хлебными палочками, мы лежали на дедушкином диване и глядели в экран»* [Санаев (b), URL]. Многое из описанного автором также нуждается в пояснении. Во-первых, каждый русский знает, что по «Первому каналу» (раньше – «ОПТ») ровно в 21:00 идет программа «Время». Вышедшая впервые в 1968 году и существующая поныне, она знакома любому жителю нашей страны от мала до велика. После нее в 21:30 обычно транслируется какой-нибудь фильм. Чаще всего это отечественные фильмы, относящиеся к жанру мелодрамы, детектива, приключений. Просмотр телевизора лежа на диване – типичное вечернее занятие русского человека, так он отдыхает после трудового дня. Также дополнительных комментариев требует слово «трико». Это французское слово, вошедшее в состав русского языка. Изначально трико называлась шерстяная ткань узорчатого плетения, идущая на верхнюю одежду [Большой словарь иностранных слов, URL]. Впоследствии этим словом стали называться шерстяные или трикотажные спортивные штаны, отчасти схожие с кальсонами, облегающего покроя и заканчивающиеся резинкой, которые носили дома. Слово относится к разговорному стилю и обычно имеет негативный коннотат.

Для работы по теме материальных ценностей в иностранной аудитории можно взять один из приведенных выше отрывков текста. Также подойдут и фрагменты одноименного фильма. Очень показательным выступает отрывок, где бабушка ищет по всему дому спрятанные ею деньги.

После просмотра видеосюжета и разбора непонятных слов студентам можно предложить упражнение, где необходимо ответить, являются ли

данные утверждения правдой, ложью или об этом ничего не говорилось в фильме:

- Бабушка ищет в квартире 500 рублей;
- Деньги были спрятаны в фарфоровом слоне;
- Бабушка думает, что деньги украл сантехник;
- Сантехника зовут Васька;
- На кухне бабушка нашла 400 рублей;
- Врач недавно купила себе новые сапоги;
- Сантехник разговаривал с дедушкой о рыбалке;
- Бабушку зовут Елена;
- Внука зовут Саша;
- Зарплата врача – 100 рублей.

Можно обсудить с иностранцами, почему эти деньги так важны для бабушки (400 рублей в советское время были довольно значительной суммой, именно поэтому пропажа их так взволновала и рассердила бабушку), что означает покупка врачом новых сапог (уже упомянутый дефицит товаров первой необходимости означал и то, что достать новую обувь было так же трудно, практически невозможно, или же нужно было отдать за нее большие деньги, поэтому то, что врач пришла в новых сапогах, позволяет бабушке сделать вывод, что эти деньги украла именно она), а также почему бабушка прячет ценности по всему дому в самых неожиданных местах.

Данное упражнение позволяет развить навыки аудирования и говорения, а также овладеть большим количеством лингвострановедческой информации и фактов о стране в советский период ее истории, остаточные явления которого проявляются во многих домах и поныне.

Для пополнения лексического запаса студентов предлагается следующее задание: «Определите смысл устойчивых выражений и метафор, встречающихся в фильме:

1. «Как корова языком слизала» –

- a. что-то незаметно и быстро пропало и это трудно, либо почти невозможно найти;
- b. потрогать очень нежно и ласково;
- c. неприятно, противно.

2. «На какие шиши» –

- a. с какой целью? зачем?
- b. на какие средства, деньги?
- c. когда? в какой день?

3. «Гадюка» –

- a. добрая, хорошая;
- b. подлая, как змея;
- c. спокойная, хладнокровная».

Такие упражнения могут вызывать у обучаемых интерес, позволяют обогатить словарный запас, необходимый в процессе неформального общения с носителями языка и развить все речевые навыки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе были проанализированы языковые единицы, заключающие в себе культурные коды, которые отражают представления о картине мира русского народа. В результате исследования из текста повести были выбраны языковые единицы (отдельные слова, фразы, предложения), представляющие сложность интерпретации для иноязычных читателей. При помощи работ лингвострановедческого характера, описывающих типовые ситуации, детали быта и культуры, межличностные отношения, исторические события и эпохи, было определено значение указанных языковых единиц – выявлен смысл, заключенный в них автором.

Выбранные фрагменты текста условно разделены на две группы (на основании характера культурных кодов): вневременные культурные коды и темпоральные культурные коды.

Первая группа языковых единиц описывает семейные ценности, существующие в российском обществе. Данная тема, несомненно, важна при работе с иностранными студентами. Тема семьи всегда обсуждается при обучении иностранному языку, и для преподавателя важно показать, что отношения между членами семьи могут быть не только стереотипными – теплыми, дружескими, – но и совершенно иными, прошедшими через трансформацию чрезвычайной любовью и вылившимися в гиперопеку и чудовищную речевую их реализацию.

Например, в самом начале произведения, где главный герой представляет читателю экспозицию, мы можем увидеть такое описание, косвенно цитирующее слова бабушки: «*Меня зовут Савельев Саша. Я учусь во втором классе и живу у бабушки с дедушкой. Мама променяла меня на карлика-кровопийцу и повесила на бабушкину шею тяжкой крестягой. Так я с четырех лет и вшу*» [Санаев (b), URL]. Лексема «*крестяга*» может вызвать затруднения у иностранного читателя. В первую очередь стоит обратить внимание на уничижительный суффикс *-яг-*, придающий слову

негативную эмоциональную окраску. Этот суффикс является признаком имен существительных общего рода и имеет презрительный или сочувственный оттенок (например, бедняга, бродяга, деляга, работяга, портняга). Для интерпретации этого кода необходимо также рассмотреть значение фразеологизма «нести крест»: терпеливо переносить страдания, испытания, тяжелую судьбу [Фразеологический словарь русского языка 1968, 276]. Кроме того, крест является символом русского христианства, символом страдания за грехи и последующего искупления, возрождения. Смерть божества или героя на кресте ведет к возрождению в новой, вечной жизни – этот мотив отражен в мифологии многих народов [Варданян 2004, 37]. Это слово, встретившееся в самом начале произведения, уже многое объясняет читателю: слабый, болезненный внук Саша и постоянная необходимость опекать его является для бабушки этой тяжкой ношей, но она терпеливо переносит эту обязанность. Любовь к внуку является одновременно ее страданием и даром, тяжким мучением и очищением от жизненных грехов.

Вторая группа языковых единиц содержит культурные коды, относящиеся к определенной временной эпохе и материальным ценностям, присущим ей. Выбранные фрагменты текста описывают детали интерьера, преимущества и недостатки того или иного периода истории нашего государства, традиции, обычай и быт жителей страны.

Например, в главе «Утро» можно найти следующий фрагмент: «*Дедушка сидел в кухне на табуретке и сосредоточенно ковырял вилкой винегрет из рыночных овощей*» [Санаев (b), URL]. Иностранному читателю может быть непонятно, что такое «винегрет» и почему так важно для автора было уточнить, что он был «из рыночных овощей»? Необходимо рассказать учащимся, что винегрет – это национальное блюдо, показать его изображение. Уточнить, что овощи для этого салата многие жители нашей страны, особенно пожилые, выращивают на своих огородах, но у этой семьи не было огорода, и овощи были куплены на рынке. Рыночные овощи

традиционно считаются свежее и полезнее, чем те, что привезены из-за границы и выращены при использовании химических удобрений. Также эта традиция советского времени обусловлена тем, что СССР был «страной вечного дефицита», полки в магазинах были пусты и было крайне трудно купить какие-либо хорошие продукты. Об этом пишет в монографии «Знакомимся с русскими традициями и жизнью россиян» Н.В. Баско: «Во времена Советского Союза, когда вся торговля в стране была государственной, только на рынках существовала частная торговля сельскохозяйственными продуктами. Все жители сел и деревень, которые приезжали торговать на городских рынках продуктами, выращенными на своих приусадебных участках, были членами колхозов, поэтому и все рынки в городах России назывались «колхозными рынками». А полки и витрины государственных магазинов в Советском Союзе были пустыми. Населению страны всегда не хватало продуктов питания и самых необходимых для жизни товаров» [Баско 2010, 155].

Кроме того, в диссертации были предложены способы интерпретации и варианты комментариев преподавателя при работе на занятиях в иноязычной аудитории. На основании этого можно сделать вывод, что чтение аутентичных текстов и правильная их интерпретация невозможна без понимания культурных кодов, заключенных в произведении. Целостное восприятие данного текста невозможно без понимания скрытых культурных символов. Описания реалий российской жизни, знакомых с детства любому жителю нашей страны, в иностранной аудитории требуют дополнительных комментариев преподавателя и привлечения внетекстовой информации.

Одним из наиболее важных преимуществ аутентичных текстов является их приближенность к реальной жизни, именно поэтому одним из критериев их использования в рамках учебных занятий является требование не менять их содержание и сохранять оригинальную подачу материала. Такие тексты не составлены искусственно, не выдуманы, они содержат

описания реальных ситуаций и событий, а потому служат средством адаптации к жизни в стране изучаемого языка и облегчают учащимся переход из учебной аудитории в действительность.

Кроме того, тексты художественной литературы сюжетны и познавательны, они являются воплощением авторской индивидуальности и содержат субъективный, временами отличный от привычного взгляда на жизнь. Это служит причиной интереса учащихся к чтению, привлекает их и мотивирует продолжить чтение, несмотря на те трудности, с которыми они могут столкнуться в процессе знакомства с произведением. Искусственно составленные тексты не вызывают интереса, они формализованы и несодержательны, что наоборот отталкивает учащихся и снижает их заинтересованность в обучении.

Аутентичные тексты всегда включены в естественный социальный контекст, они представляют собой отрезок реальной жизни. Это форма, которая привычна для носителей языка, а потому является более полезной при обучении языку и также служит средством адаптации к дальнейшей жизни.

Исходя из того, что аутентичные тексты сохраняют свою оригинальную форму, можно судить о том, что в них сохраняется и оригинальный язык. Лексика таких текстов в большинстве случаев относится к активному запасу. Несомненным достоинством подобных текстов также служит и то, что в них отражены все активные процессы, происходящие в современном языке. Сведения об этом не содержатся в учебных пособиях, а если их и включают туда, то происходит это тогда, когда новация уже переходит в разряд традиции, то есть достаточно поздно.

Наиболее важной причиной использования аутентичных текстов в рамках учебного процесса служит то, что они являются оптимальным средством познания культуры, национальной специфики и иной лингвострановедческой информации. Содержащиеся в тексте культурные

коды, бессознательно включенные туда автором и не представляющие загадки для носителей языка, могут вызывать затруднения в дешифровке у иностранных читателей. Но именно необходимость понять и познать заставляет их привлекать внетекстовую информацию, изучать историю страны, традиции и обычаи народа, быт и культурные особенности разных исторических эпох, что расширяет кругозор студентов, знакомит их с менталитетом населения и позволяет глубже понять характер народа, и следовательно, максимально приближает к национальному социуму, погружает в жизнь страны и адаптирует к современной языковой и культурной среде.

Таким образом, работа с аутентичными текстами на занятиях в иностранной аудитории представляется продуктивной и эффективной. Наибольшее внимание необходимо уделять дешифровке культурных кодов в произведениях художественной литературы, делать вывод о том, какие языковые единицы могут вызвать затруднения учащихся и уметь комментировать непонятные для них слова, выражения или отрывки текста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. De Chazal E. Using authentic texts in the EAP classroom [Электронный ресурс]: Oxford University Press ELT, 2014. URL: <https://oupeltglobalblog.com/tag/authentic-texts/> (15.06.2016)
2. Harmer J. The practice of English language teaching. London, New York: Longman, 1983. 252 p.
3. Krashen S. Second Language Acquisition and Second Language Learning [Электронный ресурс]: University of Southern California, 1981. URL: <http://testing.greenlitex.com/sites/mmea.greenlitestaging.com/files/Second%20Language%20Acquisition%20%26%20Learning%20by%20S.%20Krashen.pdf> (01.06.2016)
4. Sanderson P. Using Newspapers in the Classroom. Great Britain: Cambridge University Press ELT, 1999. 275 p.
5. Swoosh Using Authentic Texts in Language Teaching [Электронный ресурс]: YurTopic.com, 2013. URL: <http://www.yurtopic.com/education/languages/authentic-text.html> (17.02.2016)
6. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.
7. Аксенова Е.Д., Кузнецова А.А., Мирзоева В.М. Национально-культурный компонент в языковой картине мира // Стратегии исследования языковых единиц: сб. ст. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2011. С. 3-7.
8. Анисимова Е.Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкоznания, 1992. №1. С. 71-78.
9. Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1989. 194 с.
10. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка // Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1995. Т.2. С. 348-389.
11. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.

12. Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2007. 185 с.
13. Баско Н.В. Знакомимся с русскими традициями и жизнью россиян. М.: Русский язык, 2010. 228 с.
14. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.
15. Биография Павла Санаева [Электронный ресурс]: Информационный портал «УзнайВсе.ру». URL: <http://www.uznayvse.ru/znamenitosti/biografiya-pavel-sanaev.html> (13.06.2016)
16. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. М.: Флинта, Наука, 2009. 520 с.
17. Большой словарь иностранных слов [Электронный ресурс]: М.: Издательство «ИДДК», 2007. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/47797/ (19.10.2016)
18. Брагина М.А., Дронов В.В., Красс Н.А., Синячкин В.П., Тарасов Е.Ф. Лингвокультурологические аспекты формирования языкового сознания иностранных студентов в процессе изучения русского языка / Под ред. В.М. Филиппова: Учеб. Пособие. М.: РУДН, 2008. 347 с.
19. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
20. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.
21. Варданян Е.М. Обычаи и традиции русского народа. М.: МГМУ (МАМИ), 2012. 96 с.
22. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
23. Воробьёва Г.В., Батурина Л.А. Просмотр кинофильмов как форма аудиторной работы при обучении РКИ [Электронный ресурс]: Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте,

- производстве и образовании – 2011: Сборник научных трудов SWorld по материалам международной научно-практической конференции, 2011. URL: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/pedagogy-psychology-and-sociology-411/theory-and-methods-of-studying-education-and-training-411/11182-411-0617> (23.09.2015)
24. Воронина Г. И. Организация работы с аутентичными текстами молодёжной прессы в старших классах школ с углубленным изучением немецкого языка // Иностранные языки в школе, 1999. № 2. С. 26-29.
25. Гейко Н.Р. Аутентичный художественный текст в современной методике преподавания иностранного языка [Электронный ресурс]: Москва: Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU, 12 августа 2012. URL: http://www.portalus.ru/modules/linguistics/rus_readme.php?subaction=showful1&id=1344799809&archive=&start_from=&ucat=& (28.01.2015)
26. Гореликова М.И., Магомедова Д.М. Лингвистический анализ художественного текста. М., Русский язык, 1983. 126 с.
27. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217-237.
28. Гумбольдт В. Избранные труды по языкоznанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
29. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
30. Звегинцев В.А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа // Новое в лингвистике: сб. ст. М., 1960. Вып. 1. С. 111-134.
31. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М.: Просвещение, 1985. 160 с.
32. Иванова С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: дис. ... д-ра филол. наук. М.: РГБ, 2005. 364 с.

33. Коваленко О.И. Аутентичные материалы как средство обучения иностранному языку: объем содержания понятия и его структура [Электронный ресурс]: Актуальные проблемы организации учебного процесса и обучения иностранных граждан в высших учебных заведениях: сб. ст. Минск: БГУ, 2013. URL: www.bsmu.by/files/1bc56efbea0ba9b8ed457307ca5e84e5/ (14.03.2016)
34. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 103 с.
35. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеRo, 2003. 349 с.
36. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. 164 с.
37. Кругликова Н.П. Языковые средства плаката: семантический и прагматический аспекты (на материале британских и американских плакатов I и II мировых войн): автореф. дисс. ... канд.филол. наук. СПб., 2005. 209 с.
38. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов [Электронный ресурс]: М.: Эксмо, 2008. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый%20словарь%20иноязычных%20слов/> (12.12.2014)
39. Кудрявцева Е.Л. Цитирование фрагментов речи персонажей художественных фильмов как необходимая составляющая изучения РКИ // Русский язык за рубежом, 2008. № 1. С. 20-28.
40. Кулибина Н.В. Зачем, что и как читать на уроке. Художественный текст при изучении русского языка как иностранного. СПб: Златоуст, 2001а. 208 с.
41. Кулибина Н.В. Методика лингвострановедческой работы над художественным текстом. М.: Русский язык, 1987. 143 с.

42. Кулибина Н.В. Художественный текст в лингводидактическом осмыслении: автореф. дис. ... д. филол. наук. М.: 2001б. 328 с.
43. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.
44. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
45. Методика преподавания русского языка иностранцам / Под ред. С.Г. Бархударова. М.: Изд. Московского Университета, 1967. 305 с.
46. Новолодская Н. С. Значение аутентичного текста в процессе обучения иностранному языку // Достижения вузовской науки, 2013. №3. С. 57-61.
47. Носонович Е.В. Методическая аутентичность в обучении иностранным языкам. // Иностранные яз. в школе, 1991. №1. С. 1
48. Носонович Е.В., Мильруд Р.П. Параметры аутентичного учебного текста // Иностранные языки в школе, 1999. № 1. С.18-23.
49. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка (Common European Framework of Reference, CEFR). Страсбург; М.: Совет Европы, Департамент по языковой политике; Московский государственный лингвистический университет, 2001-2003. 259 с.
50. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М.: Просвещение, 1991. 223 с.
51. Подосинникова А.А. Художественный текст на занятиях РКИ как средство активизации речевой деятельности студентов. // Русский язык и культура: теория и практика преподавания в школе и в вузе. Материалы Международного научно-методического семинара, посвященного 20-летию Румынской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Бухарест, Издательство Бухарестского университета, 2011. С. 195-200.

52. Полякова К.В. Становление семиотической системы американского комикса и японского манга: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 203 с.
53. Поморцева Н.В. Педагогическая система лингвокультурной адаптации иностранных учащихся в процессе обучения русскому языку: дис. ... д-ра пед.наук. М.: РУДН, 2010. 361 с.
54. Похороните меня за плинтусом [Электронный ресурс]: Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Похороните_меня_за_плинтусом (11.11.2014)
55. Похороните меня за плинтусом [Электронный ресурс]: Описание книги. От издателя. URL: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/3724533/> (05.02.2015)
56. Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.:Индрик, 2001. 376 с.
57. Рамм В. Любовью можно задушить [Электронный ресурс]: М.: Известия, 2009. 3 дек. URL: <http://izvestia.ru/news/356065> (29.04.2015)
58. Рогова К.И., Колесова Д.В., Шкурина Н.В. и др. Текст: теоретические основания и принципы анализа: учеб.-науч. пос. / под ред. К.А. Роговой. СПб: Златоуст, 2011. 465 с.
59. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М: Просвещение, 1985. 399 с.
60. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии [Электронный ресурс]. СПб.: Питер, 2002. URL: http://yanko.lib.ru/books/psycho/rubinshteyn=osnov_u_obzhey_psc.pdf (02.09.2015)
61. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 424 с.
62. Санаев П. (а) Похороните меня за плинтусом (неизданные главы) [Электронный ресурс]: URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=2379&p=4_6#gl_14 (30.10.2015)

63. Санаев П. (b) Похороните меня за плинтусом [Электронный ресурс]: URL: <http://readbooks.me/read/?name=pohoronite-menya-za-plintusom&page=1> (30.10.2015)
64. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта: Наука, 2010. 320 с.
65. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст. Опыт лингвокультурологического анализа. М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
66. Соловова Е. Н. Задачи языкового образования в русле глобальных реформ // Английский язык. М.: Первое сентября, 2005. № 17. С. 26-31.
67. Сорокин Ю.А. Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. 240 с.
- 68.Стрельчук Е.Н. Ради чего стоит жить? (Современный художественный фильм о Великой Отечественной войне и его презентация в иностранной аудитории) // Русский язык за рубежом, 2011. № 1. С. 95-101
69. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры: сб. ст. М., 1999. С. 13-24.
70. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: «Аделант», 2013. 800 с.
71. Ушакова Т.Н. Понятие языкового сознания и структура рече-мыслеязыковой системы // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты // Сб. под ред. Н.В. Уфимцевой. М.-Барнаул, 2004. С. 6-17.
72. Федосов В.А. О коммуникативной методике преподавания РКИ. // Русский язык за рубежом, 2011. №1. С.25-29.
73. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. Молоткова А.И. М.: Советская энциклопедия, 1968. 544 с.
74. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Либроком, 2009. 248 с.

75. Чувакин А.А. Основы филологии. М.: Флинта, Наука, 2011. 240 с.
76. Шакlein В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации. М.: Флинта, 2012. 301 с.
77. Шнейдер Л.Б. Семья. Оглядываясь вперед. СПб.: Питер, 2013. 539 с.
78. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира. (Модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.